

A photograph of a man with extensive tattoos on his arms and legs, sitting on a black bag on the side of a paved road. He is wearing a grey t-shirt, blue shorts, white socks, and black Converse sneakers. The background shows a sunset over a road with trees and hills.

Дзэт и искусство езды
На попутках

16+

Давыгов Дмитрий

Дмитрий Александрович Давыдов
ДЗЭН и искусство
езды на попутках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44736864

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04052-6

Аннотация

В июне 2016 года я собрал походный рюкзак, вышел на трассу Санкт-Петербург – Москва и стал ловить попутку. Изначально я планировал доехать до озера Байкал, но меня понесло, и остановился я только спустя 10 000 километров во Владивостоке. В очерке описано все, что происходило в этом безумном марафоне автостопом. В оформлении обложки использована фотография "traveler-1611614_1920" с сайта pixabay.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	7
День 1	8
День 2	25
День 3	35
День 4	44
День 5	58
День 6	67
День 7	88
День 8	103
Часть 2	122
День 9	123
День 10	139
День 11	146
День 12	158
День 13	180
Послесловие	191

Путешествия потеряли бы половину своего смысла, если бы о них нельзя было рассказывать.

Владимир Алексеевич Солоухин

К концу четвертого дня я оставил позади 3 000 километров. В полном мраке я ехал где-то на пути к Омску.

– А ты опубликуешь свое путешествие? – спрашивает водитель.

– Нет. Вряд ли это кому-то интересно, – отвечаю я, – и так столько всего рассказано об этом. Куча людей ездила здесь автостопом.

– Каждый опыт индивидуален. Может, именно твой и пригодится.

– Не знаю даже.

– Ну понятно. Я встречал таких же, как ты. Они не делятся опытом. Я называю их единоличниками.

Предисловие

Наверное, как и любой человек, я осознаю мотивы поступка уже после его свершения. А может, я присваиваю поступку мотивы, которых изначально не было. Сложно разобраться до конца. Так или иначе, на вопрос: «На кой черт я поперся в такую даль еще и автостопом?» – первое, что приходит в голову – любопытство, а второе – скука.

Меня всегда влек дух авантюризма. Дебютом моих путешествий можно считать поездку с Петербурга в Москву на электричках с кучей пересадок. Это было в 2009 году. Тогда я был подростком и приключений мне хватало. Но только я повзрослел и устроился на работу, тоска начала одолевать. В 2013 я как-то ехал домой и подобрал попутчицу. Молодая девушка, землячка, чей рассказ о странствиях автостопом заворожил. И с той минуты я настраивал себя на подобный рывок. Наконец в 2015 я купил палатку, походный рюкзак и пошел ловить попутку на Череповец. Замахиваться не стал, выбрал что поближе. К позднему вечеру я уже добрался и гостевал у двоюродного брата. Я хотел к морю, но на автостоп туда пока не решался. Три дня я ходил тенью за братом и нашептывал ему: «Ну поедем на море, ну давай поедем на море». Брат все же согласился. И мы с его девушкой поехали на юг России на Москвиче 2141, у которого на полпути за-

трещала коробка передач. Все-таки мы добрались. Машина героически довезла нас и обратно. А через год я созрел и на дальний маршрут.

Изначально я не планировал фиксировать каким-либо образом свое путешествие, даже фотоаппарат не хотел брать. Но в дороге я засомневался. Может, действительно написать? Но я отмахивался от этих мыслей. И если бы я дал себе установку рассказать обо всем, то это неминуемо исказило бы само путешествие. Я бы делал путевые заметки, специально куда-нибудь заходил или спрашивал о чем-то, в общем, сама цель путешествия бы поменялась. Не было бы свободного плавания и созерцания дороги, самого дзэна.

А еще в те времена я исповедовал вегетарианство. Поэтому приходилось как-то объясняться с людьми, которые любезно угощали меня в дороге.

Часть 1

Озеро Байкал

*Мир – это книга, и те, кто не путешествуют,
читали только одну ее страницу.*

Аврелий Августин

Вот что я взял с собой: двухместную палатку, спальный мешок +10, газовую горелку с съемными баллонами и армейский котелок. Из еды взял кило ореховой смеси, упаковку овсянки и гречневых хлопьев, немного сухофруктов, сахарей и два пакета чечевичного супового набора. Еще я приобрел пятилитровую канистру для питьевой воды, которая довольно-таки неудобно болталась на рюкзаке. Да и по весу это самый тяжелый предмет в экипировке, но без воды никак. Для навигации взял дорожный атлас России. Конечно, взял и сменную одежду: вторые джинсы, свитер, футболку и кеды. Взял и теплые подштанники, шорты, сланцы и запас носков.

День 1

Зазвонил будильник в телефоне. Щурюсь, лучи солнца проникают сквозь тюль и режут глаза. Обещали пасмурную погоду и дождь, но синоптики ошиблись в лучшую сторону. Солнце – хороший знак. Встаю и выключаю будильник. Время 05:00. Совершаю по кругу ежедневные ритуалы. Распахиваю форточку и вдыхаю полной грудью свежий воздух. Захожу в ванную, выворачиваю смеситель до упора, ладонями выплескиваю холодную воду на лицо. Смотрюсь в зеркало. Словно обычный день, да? Медленно выпиваю два стакана воды. Иду обратно в комнату и на 15 минут ухожу в глубины сознания, медитирую.

Завтракаю овсяной кашей на воде с сухофруктами. Сверху затолкал яблоком и бананом. Не знаю, когда еще перекушу в течение дня, поэтому решил плотнее утрамбовать желудок.

Выходит бабушка, протягивает персик. Говорю, что не лезет. Ушла к себе в комнату. Сажусь на дорожку, как принято. Кричу бабушке, что пошел. В ответ слышу с комнаты: «Легкой дороги!» Обиделась, похоже. Надо было взять персик. Съесть дорогой или отдать кому-нибудь. Да хоть и выбросить, но не отказываться.

Хлопнула входная дверь – дорога началась!

Пока шел до трассы, размышлял, что может случиться непредвиденного. Всего не предусмотреть. Главное, что бы ни произошло, всегда двигаться вперед.

Какой же тяжелый этот чертов рюкзак! По весу не меньше двадцати килограмм. Лоб покрылся испариной, хотя на улице не жарко. Добрался до обочины и наконец скинул ношу с плеч.

Обочина широкая, покрыта щебенкой. Поднимаю руку, кисть сжата в кулак, большой палец указывает в небо. Первая мимо, вторая, третья, четвертая и оп... синяя фура свернула и остановилась.

Запрыгиваю, говорю: «Мне в сторону Москвы». Водитель утвердительно кивнул.

Вопреки расхожему мнению водителя совсем не бесплатно подвозят. Попутчики отплачивают хорошей компанией и уютной беседой на протяжении поездки. Конечно, все зависит от обстановки. Когда подбирают попутчика с громадным мешком за спиной, разговор начинается с вопроса: «Куда держишь путь?»

Представились друг другу. Я тут же забыл названное имя. – Сам я из Самары, а еду в Саратов, – говорит водитель. Он предложил проехать с ним Москву по объездной и двинуть дальше. Ответил, что подумаю.

– Моя жена работает учителем в школе, в поселке не далеко от города, – говорит он, – там выгодней. В городе зарплата у педагогов меньше, чем в поселке. Летом она ездит

сама на авто, а зимой боится, поэтому подвозит сосед.

Спустя пару часов поездки, о себе толком не рассказал, зато историй водителя наслушался вдоволь. Были и армейские байки, и рассказы о пьяных передрягах. От непрерывной езды меня немного укачало. Нос заклевал, а ресницы задергались и норовили захлопнуться.

– Ты завтракал? – спросил водитель.

Я кивнул.

– А я вот голодный. Надо бы остановиться да перекусить.

Свернули на обочину, где вереницей толпились фуры. Водитель заглушил двигатель. Я спрыгнул и потянулся. Хотелось расшевелить засиженные места. Перед нами тянулся ряд небольших ларьков. У каждого на столе дымился самовар. Я спросил, где можно сходить по нужде. Мне указали за угол. Когда я вернулся, водитель уже распивал черный напиток, над которым клубился пар, и прикусывал пирожком.

– Чайковского, кофейковского? – сказал он и кивнул на ларь. При этих словах пухлая женщина за прилавком заржала.

Я отказался.

Водитель допивал кофе и болтал с буфетчицей, рассказывал, в какую даль я еду.

– Тут частенько встречаются такие, – говорит буфетчица, – обычно, водители их не берут. А в иной раз сами бегают и спрашивают, есть ли попутчики, а то им скучно одним ехать.

Закончили завтрак и двинулись дальше.

– Бывает, тоже едешь один, и по рации на общей волне начинают болтать, – говорит водитель, – есть место, где наши обедают, «Чикин хауз» называется. Так один спросил, что это вообще такое, ему отвечают типа дом курицы, а он такой: курятник, что ли? – с последним словом водитель рассмеялся чуть не до спазмов.

Разговор зашел о девушках, которые попадаются на трассе.

– Один раз совсем молодая села ко мне, – говорит он, – разговорились, она говорит, что дальнобойщиков грабит. Я опешил и спрашиваю: как грабишь? А она отвечает, что на 500 рублей грабит, и подмигивает мне.

До Москвы оставалось километров 150.

– Как мне лучше быть? – спрашиваю я, – до МКАДа доехать и на развязку во Владимир?

– Нет, на МКАД лучше тебе не соваться. Там движение очень плотное, и никто там тебя не подберет. Либо со мной южнее на развязку, либо сразу на объездную выйдешь.

Чего-то мне не захотелось лишний крюк делать. Говорю, что сойду на объездной.

Въехали в город Клин.

– Я сейчас уйду направо, – говорит водитель, – а тебе идти налево.

Останавливается, желаем друг другу удачи.

– Иди на дорогу в Дмитров, – говорит он и указывает на-

правление.

Киваю и машу рукой.

Время четвертый час дня. Поднимаюсь в небольшую горку, смотрю на указатель, перехожу дорогу. Проходящие мимо люди провожают меня взглядом. Слишком примечателен большой ранец с висящей канистрой. Снова иду в горку. Спрашиваю у прохожих, правильно ли иду. Отвечают, что правильно. На пригорке дохожу до остановки, скидываю рюкзак и падаю на скамейку, перевести дыхание. Пью воду огромными глотками. Вода стекает по краям рта и капает на футболку. Жарко! Достал горсть орехов и закинул в рот. Пройду еще немного и встану голосовать. Вроде как за черту города выбрался, дальше идет частный сектор.

Прохожу еще и встаю, положив ношу под ноги. Передо мной поворот на заправку. Бывает, машина снижает ход и моргает поворотником, мгновение радости улетучивается и сменяется злобой, когда авто заворачивает на эту самую заправку. Стою 10 минут, 20 минут, 30... М-да, постою часик и пройду чуть дальше. Может, там больше повезет.

Проезжает поток машин, во главе которого пожарный Урал. Заметил на себе продолжительный взгляд, грязная газелька свернула на обочину. Хватаю рюкзак и бегу к двери. Говорю, в сторону Дмитрова, сажусь и еду.

– Куда держите путь? – спрашиваю я.

– Немного не доедем до Сергиев Посада.

Уже хорошо, считай, из Московского района выбрался.

Неплохо за день. Водитель протянул руку, пожимаю.

– Саня.

– Дима.

Молчим.

– Почему один? – спрашивает он.

– Никогда один не отдыхал. Обычно либо с семьей, либо с компанией. А вот так, чтобы совсем одному...

– С компанией интересней же, – возражает он.

– С компанией сложнее ехать. У каждого свои желания: кто-то захочет заехать в город, а кто-то нет, кто-то будет спешить, а кто-то любит размеренно двигаться. Да и одного подбирают чаще.

– Сейчас вообще дальнобойщики никого не берут. Если тебе на Байкал ехать, то лучше договариваться на стоянках, так вернее уедешь.

– Нет, это не мой вариант. К тому же я не спешу, лучше уж поголосую.

Молчим.

Заехали в пригород Дмитрова, остановились на обочине.

– Надо мороженого купить, – говорит Саня, – курить бросил, так хоть сладкого поесть.

Стою возле магазина, жду. Если купит и мне мороженое, придется кушать. Отказаться совсем невежливо. Наверное, полгода уж не ел мороженое. Выходит с одним стаканчиком эскимо, облегченно выдыхаю.

– Купить тебе? – спрашивает он.

Отказываюсь.

Выехали на объездную – вдали виднеются очертания города.

– В каком-то году сам Путин вбухал в развитие города кучу денег, – говорит Саня, – теперь там красота да сказка. Будет время, посмотри, понравилось бы.

Едем еще минут сорок. Саня достал телефон и говорит:

– Диктуй номер. Будешь обратно возвращаться, набирай. Бани у меня нет, но накормить – накормлю. А вот и мой край родной.

Он свернул на остановку, пожал мне руку и пожелал удачи.

На остановке стоит толпа зевак, все покосились на меня. Я потихоньку напялил рюкзак и пошел.

Дорога стелется вниз. Спустишь и встану перед подъемом. Конечно, не очень удобно, машины будут разгоняться. Ну да ладно, если захотят, остановятся.

Проходит время, машин не густо.

Останавливаются.

– Мне в сторону Владимира, – говорю я.

– А мы до Сергиев Посада.

Уехали.

Следом останавливается вторая, то же самое. Подъезжает такси, говорю, что до Владимира и я без денег, в ответ улыбаются и отвечают, что едут в Сергиев Посад. Да что такое! Ладно, если следующая машина в том же направлении,

попрошу довести до развилки, а там будет проще. Почему я раньше об этом не подумал?

Проезжает поток, все мимо. Слышу гудок сзади, оборачиваюсь – в ста метрах стоит девятка, из окна которой машет рука. Иду к ней, хоть бы задом сдали.

Сунул голову в окно и спросил, в какую сторону едут. Говорят, садиться. За рулем сидит выраженное лицо кавказской национальности. Он говорит:

– Э, а куда ты едешь?

– Да мне в сторону Владимира, – отвечаю я.

– О, мы самые Владимирские! – сказал он, посмотрел на сидящую рядом девушку и посмеялся.

– А вы куда держите путь?

Кавказец сквозь зубы что-то проговорил.

– Куда? – переспрашиваю я.

– Алэсанрого.

Я так и не понял, куда они едут. Темнит он, что ли. Открыл атлас, поблизости от Владимира похожего поселения нет. Блин, сейчас завезут меня, буду целый день выбираться оттуда! Смотрю на дорожный указатель, вроде область Владимирская, но с федеральной трассы мы съехали.

Водитель показал на впереди шедшую машину и говорит:

– Смотри, 33 регион – это Владимирский. Вон еще смотри такой же.

На перекрестке стоял указательный щит. Налево – Ярославль, направо – Самара. Свернули налево. Интересно, а ку-

да ведет дорога прямо? В итоге свернули и с этой дороги. Ладно, отдамся на волю судьбы.

Едем довольно быстро. Водитель резко затормозил из-за впереди едущей машины, выругался и дернулся в сторону на опережение. На повороте он втопил пяткой в пол, обогнал машину и через окно показал средний палец. Я в шоке. В зеркале вижу, как из той машины на ходу вылезает туловище и обнажает пах. Водитель ржет во все горло и шлепает девушку по плечу.

– Смотри чэго дэлает! – говорит он.

– Это ваши знакомые? – спрашиваю я.

Девушка повернулась и с улыбкой кивнула.

– У нас тоже есть мэстная достопримечательность, – говорит кавказец, – с Питера приезжают смотреть.

– А что это?

– Александрийская слобода, – отвечает девушка.

– Это история, – говорит кавказец, – еще сам этот самый Владимэр. Еще того, при нем.

Я согласился, что бы это не значило.

Въехали в город. Едем еще минут 15 и останавливаемся.

– На Владимэр тебэ туда пэрдовать, ну там ужэ спросишь, – говорит кавказец и показывает рукой.

Благодарю и выметаюсь из авто. Черт бы его побрал, снова завезли в город, да еще и вне маршрута!

Солнце шло к закату, жара заметно спала, улицы приятно озарял желтый свет. Иду по дороге мимо маленьких жилых

домиков. Встречаются довольно симпатичные двухэтажные и трехэтажные, каменные и деревянные. Прохожу площадь с неработающим фонтаном. Спускаюсь с горки, поднимаюсь в горку. Людей все меньше и меньше, значит подхожу к черте города. Небо затянуло тучами, начало накрапывать. Хоть не ливень. Слева возвышалась беленая крепость с церковными куполами и массивным каменным ограждением. Читаю табличку: «Александрийская Слобода». Вот и она.

Свернул на повороте. Дождь усилился, забрался под дерево. Где бы разбить палатку, если никто не подберет? Кругом частные дома.

Голосую, уже начинает темнеть. Все проезжают мимо. Стою минут тридцать, читаю вслух Хаяма:

Что б ты ни делал, рок с кинжалом острым – рядом,
Коварен и жесток он к человеческим чадам.
Хотя б тебе в уста им вложен пряник был, –
Смотри, не ешь его, – он, верно, смешан с ядом.

Проезжает поток. Остановился кроссовер, оттуда вышел солидный мужчина в пиджаке. Я подхожу и здороваюсь, он открывает багажник и говорит: «Кидай свой рюкзак». Садимся и трогаемся.

– Довезу тебя до своего поселка, – говорит он, – там место лучше.

– Да мне уже хорошо отъехать подальше от города. А то

здесь совсем никто не останавливается.

Он кивает и говорит:

– Сейчас с работы все едут. Отъедем, так там и поймаешь куда подальше.

Солидный мужчина попеременно сбавляет скорость, объезжает ухабы и морщится.

– Стыдно совсем за местные дороги, – говорит он, – разбиты до невозможности. Вот почему у нас в России такие дороги плохие?

Вопрос с подвохом.

– Наверно, одной конкретной причины нет, – говорю я, – в совокупности все вытекает.

– А может, просто не хватает России кулака сильного, чтобы приструнил кого надо, а?

– Ну может.

Солидный мужчина рассказывает о своих знакомых из-за границы, с Германии. Говорит, живут там совсем по-другому, гораздо лучше.

Останавливаемся.

– Могу провести еще метров двести до поворота, – говорит он, – но там место хуже, тебя не будет видно.

– Нет, мне как раз надо место получше.

Благодарю и прощаюсь, забираю чемодан и иду на обочину.

Достаю из мешка камуфляжный дождевик и надеваю. Капает несильно, но промокнуть можно. Машин практически

нет. Вокруг небольшое поселение, местные ходят по своим делам, на меня не обращают внимания. Может, кто подумает: чего он стоит под дождем – и пустит к себе. Эх, было бы славно. Осматриваюсь, ищу место для палатки. Вон там полянка под деревьями, вроде неплохо.

Едет машина, поднимаю руку, проезжает мимо.

Хожу туда-сюда мимо мешка. Через дорогу стоит остановка со скамейкой и столиком. Если здесь заночую, то сначала пойду туда и поужинаю.

Светят фары, поднимаю руку. Останавливается подбитая Лада, у руля снова лицо кавказкой национальности...

– До Кольчугино подбросите? – спрашиваю я.

– А я туда и еду.

Открываю заднюю дверь и пропихиваю рюкзак на заваленное металлоломом сиденье. Сам сажусь вперед.

– Я всегда останавливаюсь подвезти людей, – говорит водитель, – потому что сам не раз попадал в подобное, поэтому понимаю. Сейчас еду за женой, а дальше в Чебоксары. Мог бы и тебя взять, ведь как раз по пути, да сам видишь, машина уже нагружена. Ай, если бы знал, так отправил в другой, передо мной как раз уехала пустая.

Пожимаю плечами и улыбаюсь.

– Куда после держишь путь?

Рассказал – водитель задумался. Он говорит:

– Верно, ты что-то ищешь в этой жизни, что-то тебя беспокоит, какие-то вопросы. Поэтому ты и решил отправиться

в путь.

Я кивнул в ответ.

Выехали за черту поселений. Въезжаем в густой сосновый лес. Впереди виднеется каменная плита с названием города: «Кольчугино» – и отворот на Владимир.

Остановились, водитель пожелал хорошей дороги и найти ответы на вопросы. Даже настроение приподнялось.

Закинул ношу на плечи и пошел вдоль дороги. Время почти десять вечера. Поголосую часик и спать. Сзади послышался звук приближения авто. Оборачиваюсь и вытягиваю руку, первая мимо, вторая тормозит. Внедорожник Лексус, хм, интересно. За рулем молодой парень, спрашивает, куда мне. Называю направление, отвечает: «Садись!»

– Я отвезил начальника в аэропорт, – говорит он.

– Вы водитель?

– Сегодня да...

Он едет в Нижний Новгород. Я радуюсь: за день добрался до Нижнего. Молодой парень все что-то рассказывает, но крайне невнятно. Он будто в стельку пьян, и его язык заплетается, хотя на вид полностью трезв. Почти ничего не понимаю из его слов, но я поддакиваю в паузах и киваю, создаю видимость общения.

– Какой у тебя маршрут? – спрашивает он.

Отвечаю, что так-то и так-то. Он взбаламутился и сказал:

– Надо подумать!

Следующие тридцать минут он шевелил губами, издавая

звуки похожие на названия городов. Иногда он встряхивал голову, словно отбрасывал мысли, и заново принимался на-шептывать.

– До Уфы проблемно будет добраться, – заключил он, – там все идут в южную часть и выходят на самарскую трассу.

Я ничего не понял. Спрашиваю:

– Так как мне лучше ехать?

– Надо подумать!

Свернули на федеральную трассу Москва – Владимир. Рассказываю про случай с неожиданным заездом в Александрово. Парень достает смартфон и открывает навигатор, показывает, что до этого поворота вся трасса напрочь забита. Пробки.

– Все правильно он тебя повез, – говорит он, – иначе бы ты встрял надолго.

Вот так поворот. Корил про себя того водилу, а он оказывается одолжение мне сделал. Я этим крюком еще и время выиграл.

Парень кивает в сторону остановки и говорит:

– Смотри вон, стоит подруга. Стабильно и в холод, и в жару. Дальше тоже прикол проедем. Смотри внимательно, когда я скажу. Вон, смотри!

На обочине стоит УАЗ «буханка», а рядом две упитанные девушки в вечерних платьях.

– Видел? – спрашивает он.

– Ну видел.

– А номера какие на машине?

– Э-э, а какие номера?

– УСХ – услуги сексуального характера, – сказал он и над-
рывно засмеялся. – Ладно, надо еще немного протянуть. За
сотку до Новгорода есть кафэха проверенная, перекусим и
сделаем последний рывок.

Водитель вдавил педаль газа, едем в среднем 150 км/ч.

Время первый час ночи. Кругом темень, лишь фонари
встречных авто освещают дорогу. Сворачиваем на обочину,
выходим и идем через дорогу к кафе. На улице тепло, даже
душно. Влажно после дождя, но все же приятно.

– У меня бюджет не рассчитан на перекусы в кафе, – го-
ворю я.

– Чего это?

– Ну вот так, но я посижу с вами за компанию.

Заходим внутрь. Кафе типа столовой самообслуживания,

– Возьми себе супа, поешь, – говорит он.

– Я ни рыбу, ни мясо не ем, – смущенно протягиваю.

– Чего это?

– Ну вот так.

Беру салат, хлеб и черный кофе. Садимся, едим молча.
Достаю карту и показываю путь.

– А тут никак, – говорит он, – там паром.

– Тогда через Набережные Челны?

– Именно так.

Как поел, чувствую приятную тяжесть в животе. Благо-

дарю за угощение, он конфузится и отнекивается. Снова в путь.

Проехали еще минут сорок. Вижу знак: «Нижний Новгород 15 км». Он сворачивает на объездную и говорит:

– Сейчас будем прощаться. Высажу у ГАИшного поста. Вроде место нормальное.

Сбавляет скорость, остановились. Приметил поворот с дороги.

– Куда сейчас? – спрашивает он.

– Вон, дорога уходит с трассы. Посмотрю, что там, разобью палатку.

Он поднял глаза, задумался и сказал:

– А, там полянка как раз.

Жму руку, желаю удачи и выхожу.

Достаю фонарик и вешаю на лоб, освещаю путь. Проселочная дорога уходит в лес, за деревьями открылось небольшое поле. Вдали виднеются какие-то строения похожие на башни. Жутко. Отхожу немного от дороги и скидываю рюкзак. В мгновение все открытые места тела облепили голодные комары и остервенело закусали. От них никуда не деться! Из защитных средств я взял только народное, гвоздику, и тут же проклинал себя за это. Я судорожно растирал приправу в руках, мазал лицо и шею, но тщетно, отбоя от кровососов нет. Вмиг вытаскиваю палатку и неуклюже расставляю, постоянно запинаясь и тыкаю стойками невпопад. Кое-как справился. Впрыгиваю внутрь вместе с рюкзаком и закрываю

юсь. Они уже внутри! Со злобой давлю паразитов, попутно броню их. Закутали, твари!

Хорошо, что меня покормили: в таких условиях не до ужина. Расстилаю спальник и ставлю будильник так, чтобы на сон ушло ровно шесть часов. Гашу свет.

День 2

Еще до пробуждения слышу чей-то разговор и шарканье ног. Звенит будильник, отключаю. Время 07:30. В палатке жарко, голова опухшая. Расстегиваю дверь и выглядываю, кругом чистое поле, вдали стоят заброшенные дома. С наслаждением выпиваю два стакана воды. Есть не хочется, но позавтракать надо. Ставлю горелку, сыплю кашу в котелок, туда же чернослив и курагу. Пока вариться, прохаживаюсь. Скрутил спальник, каша уже готова, завтракаю не спеша. Сполоснул котелок, почистил зубы и собираю манатки. Вышел на трассу, поток так и хлещет. Место тоже неплохое: обочина широкая, заасфальтирована.

Проходит минут двадцать. Рука уже отваливается непрерывно сигналить. И боишься руку опустить, вдруг проедет счастливое авто. С поста ГАИ выходит постовой и идет ко мне. Сейчас пристанет. А нет, спокойно начал свою работу, не обращая на меня внимания. Он останавливает машину, она сворачивает на обочину и закрывает меня. Если и заметят, то остановиться будет неудобно. Вот зараза.

Проходит еще минут двадцать. Я уже подпираю руку второй рукой. Плечо совсем затекло. Гаишник ушел обратно на пост.

Пару раз остановились, но всем не по пути. Проезжает фу-

ра и чуть дальше останавливается. Подойду-ка. Как только подбежал, он сразу тронулся. Вот говнюк! Как специально подразнил.

Гаишник опять идет сюда. Тебя еще тут не хватало!

Еще двадцать минут безрезультатно. М-да, застрял я тут, хоть поток машин и не прекращается.

Останавливается черный Рено Логан. За рулем молодой пацан с плешью на голове.

– Куда тебе? – говорит он.

– На Чебоксары.

Кивает, чтобы садился. В безумной радости запрыгиваю внутрь.

– Довезу тебя до развязки, – говорит он.

Как обычно, спрашивает, куда еду. Прикалывается:

– Да у тебя там целый рюкзак травы! У меня тоже друзья есть, молодые супруги, так они вдвоем ездили стопом до черного моря. А я сейчас на дачу еду к начальнику. Пятница – день короткий.

Довозит меня до поворота и объясняет:

– Там объездная дорога еще не достроена, нужно свернуть. Дойди до заправки, там поворот на Казань. Увидишь, там много машин сворачивает.

Благодарю и бреду по краю дороги на съезд.

Поднимаюсь на пригорок, тяжело. Возле меня тормозит кроссовер Kia, из окна выглядывает седой мужичок и спрашивает дорогу на Казань.

– Туда дальше, – говорю я и показываю направление, – а меня можете подвезти?

Он нахмурился и спрашивает:

– До Казани?

– Ну хотя бы.

– Садись!

Закидываю вещи на заднее сидение, где лежат сумки и гитара в чехле, и сажусь.

– А куда сами держите путь? – спрашиваю я.

– Я еду на Чистополь.

Хм, интересно, где это?

– Я обычно через город проезжаю, – говорит он, – а тут решил посмотреть на новую объездную, а она еще недостроенная оказалась. Еще знакомая позвонила, заболтался с ней и как-то мимо глаз знак на Казань пропустил. Смотрю, ты идешь, дай-ка спрошу дорогу.

– Да-а-а, – протягиваю я.

Вот она, череда случайных событий, благодаря которым я в машине. Знакомимся, представился Георгием. У меня почему-то всплыла ассоциация с Победоносцем.

– Сам куда едешь? – спрашивает он.

Рассказываю.

– А после Байкала что?

– Хочется до Владивостока доехать.

– А-а, я там учился на военного, но после неприятного случая, ушел оттуда. Меня воспитывали не мама с папой, а

бабушка и дедушка, и когда они погибли, я просился на похороны. Мне отказали, мол, отпускаем только в случае смерти близких родственников, а они таковыми не являются. Тут я не выдержал. Для меня это своего рода оскорбление, и я ушел. А поступил уже в Татарии. Окончил, чуть не стал аспирантом, но не хватило воли. Невыгодно было, поэтому отдался работе.

Ехали довольно шустро, пока не встряли в пробку за пару километров до федеральной трассы. Стоим, за нами уже колонна с километр. Нетерпеливые легковушки разворачиваются и уезжают. Грузовики стоят: для них только одна дорога.

Проходит минут сорок, и на миллиметр не сдвинулись. Выхожу, спрашиваю у дальнобойщиков, в чем беда. Отвечают, что авария, но машины уже растащили. Возвращаюсь к машине.

– Чего стоять зря, давай на перекус! – говорит Георгий.

Лью воду ему на руки, он мылит и смывает пену, потом меняемся. Георгий достает пакет с едой и спрашивает:

– Чего будешь?

– Я ни мясо, ни рыбу не ем.

Он достает два нектарина и протягивает.

– Мне все равно нельзя фрукты после еды, – говорит он. – Есть у меня тоже знакомый, полностью отказался от мяса уже много лет. Да я и сам редко мясо ем. Раз в неделю пожарю шашлык, а остальное время ничего такого не ем. Вредно

очень.

Спустя час начинаем потихоньку плестись. Едем медленно, рывками, но хоть движемся. Чем просторнее становиться дорога, тем больше машин вклинивается в движение по обеим сторонам, затормаживая общий ход.

– Вон, смотри на регион, это нижегородские только так ездят! – ругается Георгий, – совсем полоумные! А вон московские щеглы. Тоже лезут, куда не надо!

Через полчаса мучений вырываемся на свободу. Даже дышать стало легче. Проезжаем Чувашию, Чебоксары остались в стороне. Только отъехали подальше от города, начались километровые дорожные работы. Меняют асфальт, расширяют полосы, даже строят развязки и переправы. Вдоль временной дороги слоями растянулись стройматериалы.

– Надо же, наконец основательно взялись за дороги, – удивленно говорит Георгий, – да еще и как качественно. Вон смотри, все по правилам делают. Сначала стелют геотекстиль, сверху большим слоем трамбуют песок, следом засыпают крупным гравием, потом мелким, покрывают специальной сеткой и только потом целых три слоя асфальта каждый поверх другого. И техника вся отечественная: Катерпиллеры, Комацу, Вольво, – Георгий покосился на меня и иронично улыбнулся.

Чем дальше отъезжаем от запада, тем больше меняется пейзаж. От привычных равнин не осталось следа, кругом холмистые спуски и подъемы. Участки голой степи сменя-

ются густыми лесами, где деревья тянутся к небу.

Подъезжаем к Казани.

– Тоже по объездной? – спрашиваю я.

– Только край города зацепим. Там застроили новый район.

На панели приборов светится температура воздуха, за бортом 32 градуса. Несмотря на жару, в машине комфортно, из окна дует прохладный ветерок. Заезжаем в город, поток машин резко увеличился. Уже вечер, еще и пятница. Все едут на дачу. Машины перестраиваются невпопад.

– Вот татары! – кричит Георгий и бормочет что-то не по-русски. – Я еще в студенческие времена попал в группу, где было всего четыре русских, а остальные татары. Как-то на перерыве стоят эти татары и чего-то балакают на своем, смотрят на нас и громко смеются. Я в этот же день прихожу к себе, достаю тетрабочку и спрашиваю, как по-татарски будет хлеб? А как то и это? Вот так и выучил их язык!

На дороге хоть и стало плотнее, но в пробку не встали.

– Кстати, я очень интересно познакомился со своей супругой будучи студентом, – продолжает Георгий. Я даже заинтригован, – у нас был свой клуб КВН, и мы ездили выступать. Даже награду получили. На одном из выступлений я и познакомился с моей женой.

На этом месте Георгий закончил, а я сидел с неприятным осадком внутри, будто меня обманули.

– У меня также определенное отношение к деньгам, – про-

должает он, – я считаю, что деньги – это сила. Если ты знаешь, как ей управлять и распоряжаться, то деньги всегда будут при тебе. Вот например, сколько раз уже удостоверился, если не жалеть денег на свою любимую, то они будут вновь приходить к тебе в руки, это я как пить дать говорю!

Проехали дорожный указатель.

– Ладно, мы сейчас из Казани выедем, тебе как лучше ехать? – спрашивает Георгий, – можешь здесь сойти и на трассу М7 выйти, а можешь со мной еще километров триста проехать и там у Бугульмы на Самарскую трассу. Как тебе лучше?

Я достаю атлас и смотрю маршрут.

– Говорят, там на М7 потока почти нет? – спрашиваю я.

– Да, на той дороге мало машин.

– А вот тут? – тыкаю пальцем на карту, – через паром будете проезжать?

– Не-е, там уж давно мост построили.

– Ну тогда мне лучше с вами. Вы же трассу М5 будете пересекать?

– Да, буду. Если поедешь со мной, особо не выиграешь, Может, километров сто останется до Уфы. Но со мной ты едешь, а если сейчас тебя высажу, будешь стоять, да? Ха-ха!

Так поеду и на дорогу хорошую выйду. Совокупность случайных событий. Да, многое зависит в жизни оттого, чтобы оказаться в нужном месте и в нужное время. Не все в силах человека, он зависим от воли случая.

Проезжаем реку Кама. Открылся неописуемый вид. Вдоль набережной стоят деревянные дома, недалеко от берега плавают рыбацьи лодки, на пляже купаются люди.

Проезжаем придорожные лавки.

– Блин! – говорит Георгий, – там землянику продавали. Надо было остановиться, взять. Ладно, там впереди еще не раз будет.

– Если увижу, крикну, – сказал я и устоял на дороге.

Заехали на заправку. Вечереет. Спросил на кассе средство от мошкары, указали на прилавок. Одни пластинки да спиральки. Нахожу мизерный тюбик детского крема от комаров. Беру его и канистру воды.

Едем дальше.

По полю разбросаны нефтяные качалки, высасывают из недр земли черное золото. Похоже, не работают. Присмотрелся, нет, просто очень медленно двигаются.

– Вон опять проехали землянику, а ты молчишь! – говорит Георгий.

Я что-то проямлил в оправдание.

Сворачиваем к прилавку. Выходим. Разминаю ноги. Георгий смотрит ягоды. Стоит набитое ведерко из-под майонеза, два пол-литровых стакана и два маленьких. Он берет ведро и два по 0'5, девушки уламывают взять остальное.

– Чего уж тут оставлять? – жалобно протягивают они.

Соглашается. Основную массу заворачивает в пакет, а два стаканчика дает мне в руки. Садимся и едим землянику. Ге-

Георгий разом опрокинул стакан в рот и жуёт, а я аккуратно по ягодке клал на язык. Земляника была что надо, душистое благоухание развевалось по салону. Мы еще долго ехали и чувствовали этот сладкий запах, напоминающий детство в деревне.

Совсем стемнело. Словно звезды на небе, вдали горели огни Альметьевска.

– Это нефтяная столица Татарстана, – говорит Георгий, – обычно я здесь проезжаю в пятом часу дня, а сейчас почти десять вечера. Все из-за того, что мы с тобой встали у нижнего. Да и дорожный ремонт этот...

Минут через тридцать проезжаем Бугульму.

– Скоро выедем на кольцо и в добрый путь уже по разным сторонам.

Я о чем-то задумался. Встряхиваю голову, впереди дорожное кольцо и указатель на Уфу – 108 км. Останавливаемся. Когда целый день прошел в компании одного водителя, появляется ощущение, что и остальной путь пройдем вместе. Увы, как бы ни хотелось, приходится разойтись. По лицу Георгия пробежала дымка печали. Тоже привык. Но прощаемся радостно, как хорошие знакомые.

Георгий указал мне направление и помахал рукой.

Рюкзак на плечи, фонарь на голову, канистру воды в руку. Прохожу мимо придорожного магазина с кафе. Надо пройти дальше, найти место для палатки. Кругом голые поля и темень. Жутко скрипят и стучают нефтяные качалки. Аж до

дрожи пробирает. Впереди дорога уходит с трассы, иду туда. Вышел на сосновую аллею. Тут поспокойней. Мажусь кремом и разбиваю палатку. Решил приготовить суп, ведь особо не ел за день. Шорох в деревьях – настороженно посветил в ту сторону. Достал нож и представил себя со стороны. Со складным ножом с фонариком на голове напряженно вглядываюсь в кустарник. Смешно. Вроде тихо, поставил котелок на газ. Через полчаса сажу и ем недоваренный чечевичный суп с ржаными сухарями. Лезу в палатку, зарываюсь в мешок и вслушиваюсь в скрежет нефтяного станка. Ставлю будильник на шесть утра и погружаюсь в сон. Как-то тревожно, шепчу под нос: «Я в безопасности... в безопасности...»

День 3

Просыпаюсь. Комары не кусали, а лицо все же опухло. Не спеша завтракаю и собираюсь. Смотрю на трассу, ни души. Похоже, утро предстоит долгое. Выхожу на обочину и безнадежно устремляю взгляд вдаль. Минут через десять проехала одна машина. Еще минут через десять проехала другая. Маятник нефтяного насоса медленно поднимается и опускается с металлическим треском.

Прошло минут сорок. Водители проезжающих фур даже не смотрели в мою сторону. Наконец останавливается праворульная легковушка.

– Садись, подвезу тебя до Октябрьского, – говорит водитель.

Сажусь на заднее кресло. Не знаю, почему не сел к водителю. По салону разливается мелодичный блюз. Работает кондиционер. Молча едем и наслаждаемся.

Вышел на крупном перекрестке. Хорошее место: обочина широкая, кругом равнина. Здесь трафик пошел на лад, один поток транспорта следует за другим. Голосую. Как показывает практика, проходит чуть меньше часа, и меня подбирают. Осталось только выстоять это время.

Через 50 минут останавливается ГАЗель, за рулем тучный мужчина в темных очках. Кидаю рюкзак и сам запрыгиваю.

Тесно, ноги вплотную прижимаются к двери, но грех жаловаться, раз подобрали. Знакомимся, водителя зовут Григорий. Смотрит, как я жмусь, и говорит:

– Надо было сумку твою в кузов кинуть.

– Если можно. Как остановимся, закину, – отвечаю я.

Свернули на заправку. Григорий расшнуровал тент, я закинул чемодан в пустой кузов. Тронулись дальше.

– Я сам на Ханты-Мансийск еду, – говорит Григорий, – поэтому аж до самого Кургана тебя довезу! Обычно я езжу по трассе М7, но когда в ту сторону ехал, вся дорога была убита. Поэтому решил, нет, обратно поеду по М5.

Вот еще одна случайность.

– У меня старшему сыну уже 28, – продолжает он, – большой на машины! Купил себе Скайлайн и начал в нее деньги вкладывать, как в бочку бездонную.

– Да, дорогое удовольствие.

– Ага, как же, все ведь из папиного кармана.

– Да-а, нелегкая эта родительская доля.

– Ездил он в Питер, жил там года три. Искал счастья для себя. Не нашел, вернулся обратно. А младший у меня как ты, любитель всяких поездок. Тебе сколько лет?

– Мне 24.

– Ха! Так моему младшему столько же. Он еще самокат с собой берет, а так тоже любит это дело, мотаться по свету!

Пока Григорий говорил, пальцы его правой руки будто что-то перебирали в воздухе или стучали по невидимому

столу. Время от времени он снимал очки с темными линзами и щурился на дорогу.

Свернули на площадку.

– Надо масло проверить, – говорит он, – а то подъедает, зараза, когда идешь на газу. На бензине дороговато ехать.

Выхожу, разминаюсь, тянусь в стороны. Перед глазами далекая холмистая степь, а за ней густой сосновый лес. Красота! Все оттенки зеленого на холсте.

Технические дела сделаны, садимся в путь.

Подъезжаем к Уфе. Дорога расстилается идеальной гладью. По сторонам стоят билборды, где в основном социальная реклама: призывы к здоровому образу жизни и соблюдению чистоты. Говорю свое наблюдение Григорию.

– Тут правительство иное, вот и жизнь другая, – говорит он, – смотри, какие дороги! Самый верный показатель честного правителя. Если дороги хорошо сделаны, значит и в остальном все для людей делают. А если сплошные дыры промеж обочин, то явно гнида у руля сидит, лишь бы себе захватить побыстрее да побольше, а на народ начихать.

Свернули на объездную дорогу. Вдоль горизонта тянутся поля.

– Смотри, как все ухоженно. Везде поля засеяны, подстрижены, вспаханы. Красота, куда не глянь! Не то, что ближе к западу, смотреть противно, все сорняками поросло.

Я киваю и дивлюсь на сказочное пространство за пределами проезжей части.

У подножия горного хребта раскинулись торговые ряды. Остановились.

– Моя меня замучила, – говорит Григорий, – мол, столько раз мимо Урала проезжал и даже сувенира не привез.

Выходим. Он пошел в лавку, а я иду к выступу. Так мало проехали, а уже на такую высь забрались! Смотрю во все глаза, люблюсь. Вдыхаю полной грудью и пьянею. Так свеж и чист здесь воздух. Подхожу к прилавку, Григорий купил шкатулку из какого-то экзотического камня изумрудного цвета. Говорят, его добывают неподалеку. Смотрим на прилавки с пневматикой.

– А настоящий есть? – интересуется Григорий.

Продавщица зажалась и сквозь зубы выщедила:

– Тут такое не продается.

Отходим подальше, Григорий шепчет:

– Гонит она, продается еще как. Если не здесь, так рядышком. На Урале да не продаются стволы, ввек не поверю!

Чем дальше заезжаем, тем чудесней открывается пейзаж. И живописцу не под силу передать всю необъятную красоту природы. Понимаешь это только тогда, когда воочию наблюдаешь захватывающие дух произведения творца.

Выехали из скалистой расщелины и спускаемся в долину, где протекает речка, а вдоль берегов выстроены деревенские домики. Как интересно здесь жить. Хотя местным, наверное, вся эта красота приелась.

Выехали на уральский серпантин. Дорога идет крутым и

длинным спуском. Запахло металлической гарью.

– Чувствуешь? – спрашивает Григорий, – это тормозные колодки горят у дальнобоев от напряжения. Особенно если впереди плетется какой-нибудь КамАЗ, так его там вся колонна позади материт. Надо бы перекусить, а то с утра ничего не ел. Сам-то голодный?

– Да я как-то не рассчитывал на перекусы в кафе, – отвечаю я.

– Да не дрейф, угощу тебя.

– Только я мясо не ем. И рыбу тоже.

– Да? Ну ладно.

Проехали рыночную площадь и завернули к кафе.

Заходим. Пусто, никого, даже персонала.

– Есть кто живой? – крикнул Григорий, – спят все, что ли?

Вдали за стойкой послышались шорохи. Выходит пузатый парень в засаленном фартуке.

– Чего изволите? – говорит он.

– Есть чё похавать нормальна шобы? – говоря это, Григорий размахивал головой на каждый слог, будто наезжал.

– Есть шашлык, лагман, есть окрошка.

– А чё, лагман нормальный, да?

– Нормальный.

– А окрошка как? На чем?

– На кефире.

– Ох ты блин, – Григорий даже отстранился, – я так возьму её, так меня с неё... гм...

– Не-е, – запротестовал парень, – нормальна говорю те, свежая!

– Да? Ну давай крошки, только половинку налей. И лагмана тарелку. И вон ему этого... ешь чё вегетарианское?

Парень перевел глаза на меня, потом поднял к потолку и нахмурил брови.

– Морковка по-корейски ешь, нада? – сказал он.

– Отлично, сойдет, – выпалил я.

– Может, еще чего? – спрашивает Григорий, – крошки там.

– Да нет, спасибо. И этого хватит.

Умываемся, садимся за стол.

Проходит томительные пять минут. Время тянется то ли от голода, то ли от полной тишины. Григорий не вставая с места кричит на кухню:

– Э, братишка, скоро там? А то голодные сидим.

Оттуда раздался голос:

– Э, те чё здесь макональдц шо ли? Че, за пять минут шо ли делается все!

Я опешил от такой дерзости, но Григорий только ухмыльнулся. Надо же, как быстро они стали запанибрата.

Покушали, освежились холодным морсом и в путь.

Горный хребет близится к концу, впереди дорога поспокойней. Григорий рассказывает о своих дальних родственниках. Говорит, вроде жить нормально могут, все деньги зарабатывают, а все же крысятничают между собой.

На улице темнеет, дневной зной утихает. ГАЗель ощути-мо замедлилась, Григорий начал озираться по сторонам, искать, в чем дело. На панели приборов загорелась лампочка «check». Григорий разозлился и пробормотал ругательства в адрес машины.

Остановились на обочине. Пока Григорий копался в машине, я бродил вокруг да около. Рядом съезд в чашу леса и указатель, на котором написано: «Детский оздоровительный лагерь». Григорий достал инструменты и ковырялся в двигателе. Он открутил и вынул свечи зажигания, сделал тест – один горшок не реагирует. Матерится.

– Движок троит, – говорит Григорий, – хотя башка новая, куплена мною лично!

Все, что можно было сделать – сделано. Садимся, пока едем нормально. Пронесло вроде бы. Тут же загорается лампочка и звучит словесное сопровождение водителя: искренние слова благодарности за надежность и качество технического устройства автомобиля.

– Вот стерва! Даже до дому довести не может, тварь! – попеременно вставлял в речь Григорий.

Проезжаем полчаса со скоростью 40 км/ч. Григорий достает телефон и обзванивает знакомых, спрашивает, кто может помочь в Челябинске с ремонтом. Через третьих лиц находит механика и договаривается на завтра. Смотрит на меня и говорит:

– М-да, вот дела. А завтра еще троица, так поди напьются

все, никто работать не будет. Вот же я встрял!

Я поежился. Как бы мне поступить? Свалить сейчас как-то по-свински, а шататься с ним по мастерским, терять время, будет ли прок в этом?

– Как мне быть? – помявшись, спросил я.

– Как те быть, куда ты сейчас пойдешь на ночь, тем более возле Челябинба? Давай со мной на ночь в мотель, не парься.

Хм, хороший вариант. И душ мне не помешает. Добрый человек попался, сам в беде, да и ближнего на произвол не оставит.

Заехали в придорожный мотель и сняли двухместный номер. Расстелил постель, помылся, немного поболтали.

– Есть у меня знакомый смотритель в Челябинске, – говорит Григорий, – да номер в другом телефоне. А так если бы дозвонился, то нам бы тут уже поляну накрыли вместе со шлюхами.

Я посмеялся.

– А кто такой смотритель?

– А этого тебе не надо знать.

Настаивать не стал.

Погасили свет. От накрахмаленных простыней пахнет мылом, из форточки задувает прохладный ветер, а из глубины коридора доносятся чьи-то громкие рассуждения о политике. Слышно только одну сторону диалога, наверное, человек разговаривает по телефону. После долгого разжевывания, разговор сошелся на правах дальнбойщиков. Но даль-

ше я прогуливался в сновидениях.

День 4

Слышу будильник, отключаю. Время 06:00. Представляю, как буду тихонько собираться, легонько будить Григория и прощаться. Поворачиваюсь, смотрю, а он уже сидит на кровати одетый и выжидает. Встаю, умываюсь. Как быть с завтраком? Говорю, что сейчас уже отправлюсь.

– Подожди, – говорит Григорий, – сейчас спрошу у бабки, может, она чего на завтрак сварганит.

Уходит. Возвращается и говорит:

– Там кафеха через дорогу, только они с восьми утра открываются.

Ждать до восьми не вариант. Говорю, что пойду. Он спускается вместе со мной к парковке.

– Спасибо вам большое за все! – говорю я.

Жмем друг другу руки. Прощаемся как давнишние знакомые.

Выхожу на обочину. Достаю орехи, набиваю рот и жую.

Утро раннее – машин невелико. Но останавливается почти сразу. Легковушка. За рулем заспанное лицо ближнего зарубежья. Говорит, едет в город. Сажусь, прошу довести до развилки на объездную. Едет с работы, со смены, сам живет в Челябинске.

Останавливается, выхожу и иду по съезду. По правой сто-

роне тянутся терминалы, с которых выгружаю фуры «Деловые линии». Стою. Все, кто оттуда выезжает, смотрят на меня, пожимают плечами и двигаются дальше.

Подъезжает иномарка, за рулем девушка. Ничего себе, чудеса происходят! Опускается окно.

– Могу подкинуть до остановки, – говорит девушка и указывает рукой вперед, – вон там.

Улыбаюсь, благодарю и отправляю девушку ехать дальше.

Жду. На парковке рядом с терминалом стоят два парня и девушка, разговаривают, смеются и украдкой поглядывают на меня. Делают ставки, сколько я простою. Подъезжает очередная иномарка.

– Мне в сторону Кургана, – говорю я.

Водитель, взрослый мужчина, громко рассмеялся и говорит:

– Так не по этой дороге надо!

– Как не по этой? – напряженно сказал я, – вот же объездная.

Он задумался на минутку и говорит:

– А, ну да, садись тогда!

Залезаю в салон, кидаю рюкзак назад.

– А вы куда едете? – спрашиваю я.

– Да на дачу. Выходные сейчас, праздник, надо отдыхать.

А ты куда сам?

Отвечаю, он удивляется.

– Вот заняться же нечем! – с укоризной говорит он.

– Почему же нечем? У меня сейчас отпуск, вот и решил отдохнуть таким способом.

Остальное время ехали молча.

Провез он меня километров сто. Главное, что я вышел за границу города. Высадил на шоссе, а сам свернул на проселочную дорогу.

Кругом желтые пересохшие поля. Стою минут двадцать, за это время проехало не больше трех машин. Скучно, запеваю песню во все горло, чтобы как-то себя развлечь. С поворота выезжает Жигули «каблук», останавливается. Говорит, что довезет до трассы. Засовываю рюкзак как можно глубже в проем для ног, а сам еле пристраиваюсь на сиденье. С натугой захлопываю дверь, трогаемся.

Водитель закуривает – вонючий дым клубится по всему салону. С его стороны открыто окно, но дым как назло летит прямо на меня. Закончив с одной сигаретой, он принимается за вторую. Проехали минут пять со свежим воздухом, и он снова закурил.

– Ладно, – говорит водитель, – вон идет трасса.

Слава Богу! Выхожу.

Вдали виднеется кафе и вереница припаркованных фур. Слева небольшой завод и террикон со слоистыми породами.

Поток машин увеличился, трасса как-никак. Пока шел неожиданно для себя заметил, что рюкзак уже не кажется таким тяжелым. Плечи и спина привыкли к нагрузке, окрепли. Стою. В перерывах движения машин пинаю камни на дороге.

На часы даже не хочется смотреть. Это ничего не даст, только понимание, сколько времени утекло вне движения. Как будто если пройдет столько-то времени, что-то произойдет, или я что-то предприму. Сколько бы времени не прошло, пока солнце светит, я буду голосовать.

Останавливается побитая легковушка. Из окна выглядывает усатое и волосатое лицо с рубцами на щеках.

– О! Автостопщики, да и только, – говорит лицо и громко смеется, – садись, подвезу! А то мне скучно одному.

Сажусь. Спрашиваю, куда держит путь, называет какое-то непонятное поселение. Ну, едем, пока едем. Немного рассказал о своих планах, все как обычно. Минут десять едем молча.

– Расскажи ты чего-нибудь интересное, – говорит водитель и пристально смотрит на меня.

Я зажался и начал что-то мямлить, говорить какие-то бессвязные предложения, словом, нес чепуху. Промурывив так короткое время, я снова замолчал. Водитель начал задавать наводящие на беседу вопросы, стало проще.

Впереди виднелся затор и постовая машина с включенными мигалками.

– Похоже, впереди авария, – говорю я.

– Да, – сощурился и подтвердил водитель.

Свернули.

– Все, дальше мне не по пути, – говорит водитель.

Выхожу, иду в сторону ДТП.

Посреди дороги лежит на боку развороченный микроавтобус с выбитыми стеклами. Чуть поодаль воткнутая в отбойник легковушка с вывернутым наизнанку двигателем. Людей вокруг нет, только ходит из стороны в сторону мужичек. Он то поднимает руки к голове, хватаясь за черные волосы, то опускает. Стоят два гаишника. Один посмотрел на меня и спрашивает:

– Прогуливаешься?

– Ага, – отвечаю я и прохожу дальше.

Прошел так, чтобы с места происшествия меня не было видно.

Из-за аварии машины сбрасывают скорость. Мне это на руку. Едет красная фура и сигналит клаксоном. Остановилась на обочине. Бегу к ней. Похоже, сяду на долгосрочный рейс. Запрыгиваю и благодарю.

– Я тебя уже давно приметил. Еще с Самары, – говорит водитель, – ты быстрее меня едешь на попутках, чем я на собственном транспорте.

Смеюсь.

Едем спокойным темпом, не превышая дозволенных 90 км/ч. Рассказывает всякие истории. Про тех, кого подбирал, про нелегкий труд и жизнь дальнобойщика, про своих детей, откуда родом и где сейчас живет. Хорошо, разговорчивый попался. Спрашиваю о его маршруте.

– Я в Новосибирск еду, – говорит он.

– А меня довезете?

Он пожался и говорит:

– Я буду на ночь оставаться, а верхняя полка у меня вся забита вещами, так что...

– Тогда до места остановки хотя бы, – смотрю в карту, – а Омск мы будет проезжать?

– Немного не доедем до него.

Если повезет, то сегодня и до Омска доберусь.

Проехали уже прилично. Половина дня положена.

– Надо заехать в одно место, – говорит водитель, – мы там всегда останавливаемся. Сделать дела и пересечься с коллегой. Мы всегда так делаем, если совпадает маршрут.

Пожимаю плечами. Раз надо так надо. Я и так на иждивенстве еду.

По левую руку кафе, рядом знак: «Поворот налево запрещен». Чуть дальше машина ДПС. Караулят.

– Вот стервятники, – говорит водитель, – добычи ждут. Придется парковаться справа, на полянке, – достает телефон и звонит коллеге. Спрашивает, где он.

Перебегаем дорогу и заходим. Когда водитель рассказывал о себе, то иногда называл себя по имени. Поэтому когда он спросил, как меня зовут, то я улыбнулся и ответил:

– Я ваш теска.

Он усмехнулся и пожал мне руку. Далее от меня прозвучала стандартная фраза, мол, нет денег на кафе и все такое. Говорит, что угостит. А я опять, что не ем того-сего.

Я заказал овощной салат, а Дима, водитель фуры, купил в

придачу манник и кофе. Ждем. Приносят салат, сверху вы-
давлен заветренный майонез. Брезгливо соскреб и съел ово-
щи. Манник оказался что надо. Сытный и сладкий.

Заходит мужчина в гавайской рубашке, которая с натягом
застегнута на выпирающем животе. На голове взлохмачен-
ные серые волосы, а один глаз все время косил в сторону. Он
начал озираться и что-то выкрикивать. Дима помахал ему.
Мужчина уселся к нам, тут же подорвался и пошел к бару.

– Этот товарищ еще тот Донжуан, – шепчет мне Дима.

Донжуан вернулся и все без конца и без разбору что-то
щебетал. Он напоминает попугая Кешу.

Официантка приносит еду, а Донжуан говорит:

– Девушка, а мне еще чаю, будьте добры, с коньяком пжл-
ста. Коньяк только за счет заведения.

Девушка фыркнула и удалилась.

– Смотри вон, наливает тебе коньяк, – говорит Дима.

Донжуан оборачивается и кричит:

– Шутка, шутка!

Официантка приносит ему кружку и ставит со словами:

– Коньячок внутри, как и просили. Там и лимончик, вы-
пьете да и закусите сразу.

Он вытаращил глаза и говорит:

– Так, а я же за рулем!

– Так, а я же шуток не понимаю, – говорит девушка, раз-
ворачивается и уходит.

Мы смеемся. Донжуан хватает кружку и нюхает.

– Нет, – говорит он и выдыхает, – пошутила.

Как поели, еще полчаса болтали на улице. Донжуан достал из машины пакет, отдал Диме и произнес пожелание.

– Поздравлять заранее нельзя! – говорит Дима.

– Я же не поздравляю, а так, подарок даю.

Позже мне Дима расскажет, что у него через два дня день рождения. Они когда встречаются, чай вместе пьют. А чайник у него сломанный, и приходилось возиться, чтобы воду нагреть.

– Вот, чайник мне новый подарил, – заключил он.

Наконец садимся по коням. Хотя я и съел немного, но живот у меня разбух. Похоже, желудок сузился за эти дни. Благодарю за угощение, Дима скромничает, не принимает благодарности. Трогаемся в путь.

Люdiam тесно до обеда и просторно после. Так и сейчас разговор пошел на лад. Чего только мне не рассказал Дима. Про мото авантюры, когда ездил в Киев до военного времени. Как однажды проиграл на гонках 80 тысяч, но отыгрался. Как уделал бэxу на перекрестке, водитель которой решил погоняться. Рассказывал, как встречал на дороге девушек-дальнобойщиков и «вправлял им мозги».

– Работа это суровая, и никакой романтики здесь нет, – говорит он.

Рассказывал и о бандитских налетах в разных частях России.

– Я раньше ездил через Петропавловск, граница Казахста-

на, там дороги хорошие и на соляре можно выиграть деньги, – говорит Дима, – там чуть ли не в разы дешевле. А сейчас из-за некоторых гм... прижали, гады, и приходится гнать в объезд.

Всех разговоров не припомнишь. Из них можно смело писать отдельный сборник.

Проезжаем Ишим. Наговорились вдоволь, решили помолчать. Начала заламывать дневная дремота. Сколько есть сил, напрягаю глаза, чтобы не уснуть. Уже подклеываю носом. Раз чуть не воткнулся лицом в переднюю панель, резко отдернул голову, и вроде сонливость улетучилась.

– Что, совсем тяжко? – говорит Дима.

– Да, борюсь до последнего.

– Вот и я аж закурил, а то кумарит жуть.

За окном темнеет. Впереди стояночный комплекс. На дороге табличка: «Абатское».

– Сейчас в магазин и на ночлег, – говорит Дима, – так что наш обоюдный маршрут подходит к концу.

– А как поедете в Новосибирск?

– Посплю да и поеду. А приеду туда уж за полночь.

Если дело будет совсем труба, может, он снова меня подберет.

Свернули в сторону поселка.

– Сейчас к площадке подъедем и остановимся, – говорит Дима.

Прощаюсь и благодарю за хорошую компанию. Для меня

и вправду было большое удовольствие ехать с ним.

Перехожу через дорогу, мажусь кремом. Ужас, как много мошкеры вокруг, аж бесит! И крем не помогает. Надо купить что-нибудь помощней. Достая свитер и надеваю: стало прохладно.

Всюду кафешки, продовольственные магазины и заправки, кругом шастает народ. На меня никто не обращает внимания. На парковке стоит мотоциклист, номера заграничные. Копаются в подвесных чемоданах, прыскает из баллона на цепь привода. Поглядывает на меня. Жаль, что не сможет подобрать. Обычно у мотоциклистов пассажирские места увешаны барахлом, да и мой рюкзак девать некуда. Вот если только мотоцикл с коляской. Такой повстречаешь не чаще, чем четырехлистный клевер.

По ощущениям стою довольно долго. Проезжает и останавливается ППС, спрашивают о документах. Говорю, что все имеется, все в порядке. Подвезти не согласились, мол, у них маршрут близкий. И зачем останавливались? Разве я так подозрительно выгляжу?

Стемнело. Чем дальше заезжаю вглубь страны, тем быстрее наступает ночь. По местному времени +3 часа к Москве. Останавливается синий Солярис, подбегаю.

– Я до Омска еду. Могу подкинуть, – говорит водитель.

Ура, сегодня доберусь до Омска. Запрыгиваю. Начинаем разговор.

– А я к дочке еду, – говорит водитель, – она у меня там

живет и учится. А сами мы с Ненецкого округа. У меня жена там умерла от рака.

Ничего себе откровенности.

– Я долгое время работал в госорганах, – сказал он.

Мне почему-то сразу так и показалось.

Пока он говорил, то своеобразно причмокивал губами и втягивал воздух. Звук напоминал плевок.

– Путешествовать – это хорошо, даже и автостопом, – продолжал он, – можешь и ко мне в Омск заехать. Поспать нормально, душ принять да чаю выпить.

– Да я как-то даже не знаю, – я склонялся к отказу, ведь время в городе потеряю. А так переночую в палатке вблизи трассы и рвану дальше.

– Ладно, думай пока. Время еще есть.

И тут я задумался, что все-таки хорошо бы в душ сходить, да и спать на улице стало прохладно. Ладно, еще раз предложит, то соглашусь, напрашиваться не буду. «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!» – как говорил Воланд.

– Ты не против музыки? – спрашивает он.

– Конечно, нет.

В панель встроен небольшой экран. На нем проигрывались видеоклипы. Зазвучала песня качка из группы «Чай вдвоем», в припеве которой повторяется: «Этой ночью, этой ночью, я не очень караочен». Что за дрянь! Еще ведь при-

вяжется, так буду напевать до самого Байкала. Следующая песня того же исполнителя. Он пел: «Женщина, не танцую! Женщина, я не танцую! Хватит улыбаться, нормально с ориентацией...»

Заезжаем на заправку.

– Кофе пьешь? – спрашивает водитель.

– Пью, только черный.

Горячий кофе в самый раз, согреюсь и взбодрюсь.

Пока водитель был на кассе, ко мне подошел толстый мужчина в новеньком спортивном костюме.

– Братаны, подвезите до Омска, – говорит он, – я тут с пацанами на рыбалке был, все уже выпившие, а у меня там жена сына рожает! Так что надо срочно ехать.

– Да я как бы сам в попутчиках, – говорю я, – сейчас выйдет водитель, так его и спросите.

Я посмотрел на его идеально чистые белые кроссовки. Что это за рыбалка такая, что на нем и пятнышка нет?

Вернулся водитель, сунул мне в руку горячий стаканчик с кофе и рекламную листовку. Мужчина в спортивном костюме обращается к нему с той же притчей, мол, жена рожает, до Омска надо. Водитель помотал головой, бесповоротно отказал. Мужчина нахмурился и ушел.

– На дух не переносу пьянь, – сказал водитель, когда сели в машину, – как запах чувствую, так нервы закипают!

Тронулись дальше в путь. Говорим о всяких пустяках. Подъезжаем к съезду, который мне нужен. За окном мрак.

Повторно на ночлег меня не позвали. Останавливаемся. Дает мне пачку жевательной резинки и говорит:

– Гигиена рта очень важна, – пихает еще банку кока-колы, – кофеин тоже не помешает.

Я колу не пью, но отказываться не стал. Благодарю за все и выхожу. Думал выкинуть банку колы, чего зря таскать, но почему-то не стал. Может, угощу кого-нибудь. Сам эту гадость не пью, так отравлю другого. Положил в рюкзак, но на следующий день я все-таки выбросил её в поле.

Дорога не освещена, надеваю фонарь на лоб. Иду практически на ощупь, пою: «Этой ночью, этой ночью, я не очень караочен». Тьфу ты! Надо чем-нибудь перебить. Запеваю:

Темная ночь, только пули свистят по степи,
только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают.
В темну ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
и у детской кровати тайком ты слезу утираешь.
Как я люблю глубину твоих ласковых глаз!
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами!

Прошел еще немного и свернул с трассы. Дорога вся поросла травой. Рядом лесная чаща и болото. Разбиваю лагерь. Ужинать не буду, днем меня покормили. Завожу будильник и ложусь спать. Трава особо не примялась, в спину сквозь спальник упирались острые кочки. Я все ворочался с бока на бок в надежде хоть чуть-чуть удобнее улечься.

В середине ночи я проснулся от холода. Растирал ладони. Кругом еще темно, на часах полвторого ночи. Блин, надо в следующий раз спать в одежде. Стараюсь упасть обратно в сон, удастся...

День 5

После холодной ночи солнце приятно греет палатку. Как обычно пью два стакана воды и варю кашу. Едет трактор Белорус с прицепом, останавливается. Из него выходит мужчина с раскосыми глазами, оглядывается, остановил взгляд на мне. Запрыгивает обратно и едет дальше. Видимо, искал дорогу, возле которой я спал.

Выхожу на шоссе. Место неплохое, площадка ровная, обочина есть. Голосую. Машин практически нет. Водители фур либо разводят руками, либо вовсе не смотрят на меня. Уже третья проезжает с табличкой на лобовом стекле, где написано: «Удачи». Наверное, специально для стопщиков повесили, поиздеваться.

Минут через 35 останавливается легковушка, подбегаю. Открывается окно, за рулем сидит мужик с красными опухшими глазами. Похоже, всю ночь ехал.

– На Новосибирск эта дорога? – спрашивает он.

– Да, эта, – отвечаю я и заглядываю в салон. На пассажирском сидении спит женщина, видимо, супруга. А сзади растянулась во всю ширь молодая девушка, видимо, дочь.

– Чего-то навигатор не показывает этой дороги, – говорит водитель, – это точно правильный поворот?

Пока он задавал дурацкие вопросы, проехала целая ко-

лонна автомобилей. Я занервничал. Этот чудак явно не возьмет меня с собой.

– Я откуда знаю! – говорю я, хватаю рюкзак и отхожу.

Он уезжает. Надеюсь, недовольный.

Голосую дальше.

Останавливается Шевроле Лачетти. Подхожу. Доносится тяжелые гитарные рифы, играет рок. Сидит мужичок с черными волосами, собранными в хвост, и с подстриженной бордой, кончик которой сплетен в косичку.

– Давай запрыгивай, – говорит он и кивает.

Так и делаю. Как я сел в это авто, на протяжении всей поездки рот водителя не закрывался. Это не плохо, но мне попался отъявленный философ, помешанный на эзотерике.

Временами были вставки про его жизнь. Так я узнал, что водитель был успешным предпринимателем в грузоперевозках, а сейчас переключился на event-бизнес, то есть организацию мероприятий. Что есть у него дети, мои ровесники. И что несколько раз его пытались убить. А сейчас он едет за Новосибирск с еще одной машиной. Он показывает на впереди идущую Мазду шестерку, у которой не работают стоп-сигналы.

– Это мой друг купил в Петербурге две эти тачки, – говорит он, – одну везет на продажу, а вторую для себя. Ты сколько дней уже едешь?

– Сегодня пятый день.

– Ха-ха, да мы в один день выехали. Только мы после обе-

да. Меня Дмитрий зовут.

Он достает маленькую вещицу, похожую на MP3 плеер, и нажимает кнопку.

– Это диктофон, – говорит Дмитрий, – я сейчас аудиокнигу записываю. Главная проблема людей в том, что они не пользуются важным защитным инструментом, который называется: «Послать нежелательного собеседника». Издревле так задумано, что если тебя кто-то парит или напрягает, пошли его на... Я вот часто сравниваю нас с какими-нибудь механизмами. Человек вообще похож на технику. Всю нашу сущность можно сопоставить, например, с автомобилем. У машины есть колеса – это наши руки и ноги. Двигатель – это наши мозги. Вот если регулярно менять масло, чистить форсунки, проверять компрессию, то движок будет отлично работать – так и мозги не будут засираться. У человека даже выхлопная труба есть, как и у машины, ха-ха.

От этой болтовни зашумело в голове.

Время близилось к обеду. Я начал подклеивать.

– Да не мучайся ты, – сказал Дмитрий, – откинься да вздремни.

Я даже удивился такому роскошному предложению и ужасно обрадовался. Но перед сном Дмитрий еще с часик прополоскал мне голову. Он рассказывал о книге зарубежного психолога «Внутренний ребенок».

– Дам тебе послушать отрывок, – говорит Дмитрий. – Вот люди обычно следят за гигиеной, все места вымоют, а про

мозги забудут. Попу помогут, а самое главное – нет. Так вот мозги – грязнейшее место, которое необходимо регулярно промывать. Я вот этим и занимаюсь. Ладно, откидывайся.

Он пихнул мне наушники с плеером. Втыкаю в уши, книга началась. «Посвящается Джону Леннону», – говорит чтец и заиграла песня «Women». Слушать было интересно, но глаза закатывались за веки.

Чувствую, как из ушей вынимают наушники, в полудреме отдаю флэшку. Мне даже что-то приснилось. Дремота отходит. Смотрю на время, спал ровно час. Пролетел, как минута. Но вполне отдохнул.

Дмитрий разговаривает по телефону, должно быть, с товарищем по пути. Договариваются о стоянке.

Через минут двадцать сворачиваем на парковку у придорожного кафе. Из второй машины выходит немного полный и высокий мужчина, и мальчик лет десяти, его сын.

Меня снова угощают. Беру винегрет, кофе, хлеб и уплетаю все за минуту. В следующий раз, если будут угощать, понаглею и возьму гарнир, а то все удивляются, что так мало беру.

– Я сам какое-то время веганствовал, – говорит Дмитрий, – сейчас же принципиально не ем свинину. А из мяса предпочитаю курицу. А то и вовсе обхожусь.

Пока едим, рассказывают о предприимчивости 10 летнего сына водителя. Он зарегистрировался в сервисе, где подвозят попутчиков за деньги. Они взяли паренька до Казани и выручили 700 рублей, можно сказать с воздуха.

– Я бы вот до такого не додумался, – говорит отец паренька.

И неудивительно. Информационные устройства хорошо используются молодежью, вернее сказать, чем младше возрастом, тем лучше пользуются.

Возвращаемся в авто, садимся.

– Большое спасибо, что накормили, – говорю я.

Дмитрий морщится и отвечает:

– Да перестань ты...

Не первый подобный ответ на благодарность за еду. Точнее, они все были таковы. Наверное, когда человек накормит голодного, то не принимает это за добрый поступок. Он убежден, что поступил должным образом вне всякой добродетели. Поэтому для него и не уместна благодарность. И это радует. А может, я преувеличиваю.

Трогаемся дальше. Дмитрий нажимает на кнопку магнитолы и говорит:

– Неплохо бы музыку послушать, да?

Я поддерживаю.

Разлилось мелодичное соло электрогитары под гудящие клавиши. «Pink Floyd» однозначно.

– Это песня называется димонд, – говорит он, – что это означает? В смысле как переводится?

– Даймонд – значит алмаз, – отвечаю я.

Когда закончился альбом, Дмитрий вновь достал диктофон и продолжил вещать.

Проезжаем Новосибирск по объездной.

– Еще километров сто тебя провезем, – говорит Дмитрий.

На улице смеркается, но время еще позволяет попытаться счастье. Может, до Кемерово доберусь. А оттуда до Красноярска рукой подать.

Дмитрий потихоньку оканчивает монолог, сам уже утомился. Он как бы подытожил:

– Люди вот кушают только вкусную еду и всё естественным путем утилизируют. А вот мозг жрет без разбору всякую дрянь и держит в себе, поэтому ему тоже надо временами покакать, – он надрывно рассмеялся.

Свернули с трассы и остановились. Все выходит меня проводить, только сейчас понимаю, как это мило. Солнце близится к горизонту, ярко освещает уходящий день. Ребята жмут мне руку и произносят напутствие.

– Ты бы поехал так на попутках? – спрашивает второй водитель у Дмитрия, – я бы так не смог!

– Да делов-то, – говорю я, – еще с таким комфортом путешествоую!

Прошаюсь, иду по дороге мимо поста ГАИ.

Стою, кормлю комаров. Надоело отмахиваться, стараюсь не обращать на них внимания. Останавливается японская праворулька, запрыгиваю. Водитель едет в Новокузнецк. Открываю карту и ищу. Надеялся, что уеду за Кемерово, увы. Но тоже неплохо, как раз доедут до отворотки в город

Мне представились. Сразу имя не забыл, но вот сейчас

вспомнить не могу. Парень молодой, служит в войсках по контракту.

– В былые времена место, где я живу, называлось жемчужина Кузбасса, – говорит он, – потому что город этот лидировал в добыче природных ископаемых. А сейчас шахты то и дело закрывают. Рабочих сокращают. Я и сам работал в одной из шахт, но пришлось уйти. Уйти на списание без должной выплаты.

Да, нелегко жить в этой части России. Постоянный заработок для обывателей – это сфера промышленности, а теперь... Теперь людям здесь в буквальном смысле приходится выживать. И как легко живется в Европейской части по сравнению с здешними краями. Сибирь, одним словом.

– Посмотри чего там, можно обгонять? – говорит он.

Я смотрю и отвечаю:

– Чисто.

Он уходит влево и дает газу. И так на протяжении всего пути. Но один раз он решил обойтись без подсказки и начал потихоньку выкручивать через пунктирную линию. Меня ослепил желтый свет встречного авто, и я заорал во всю глотку:

– МАШИНА!

Он резко вывернул руль, зашел обратно в полосу и со смешком сказал:

– Ладно, не будем туда лезть.

Темно. Показался освещенный дорожный указатель на

развязку. Не успел посмотреть что-куда. Останавливаемся и выходим. Водитель по маленьким делам, а я в поисках места для ночлега.

– А на Красноярск мне туда? – спрашиваю я и показываю рукой.

– Ну да вроде бы, – неуверенно подтвердил водитель.

Засомневался я в этой подсказке. Прощаюсь, перехожу дорогу и спускаюсь с развязки. Смотрю на знак и ничего не понимаю! Даже занервничал. Дорога уходит в сторону какого-то поселения, на обочине парень ковыряется под капотом машины. Спрашиваю дорогу.

– Вон туда надо, на Кемерово, – отвечают мне.

Разворачиваюсь. Внизу широкая и гладкая полянка. Леню искать место лучше, спущусь да отобыюсь. Плевать, что дорога совсем рядом.

Решил сварганить суп. Хоть днем и перекусил, а под ложечкой посасывает. Сварил, закутался в спальник и жую. Неожиданный хруст во рту. Может, сухарь твердый попался? Достаяю изо рта и разглядываю беловатые кусочки. Щупаю языком во рту, не хватает кусочка зуба. Вот тебе на! И к стоматологу черт знает, когда попаду. Хотя пломба вроде на месте. Сковырнул языком и достал эту самую пломбу. М-да. Слегка расстроился. Видимо жизнь решила, что уж слишком легко дается мне это путешествие, в принципе, так и есть, на-ка хоть зуб сломай себе.

Застегиваю молнию мешка и отхожу ко сну. Надел под-

штанники и свитер. Мерзнуть больше не хочу. Завтра шестой день пути. Мне рассказывали, что люди добирались до Байкала за неделю. И я взял этот срок за некий ориентир. Но ничего страшного, если выбьюсь из графика. Итак, еще два дня.

День 6

В сравнении с предыдущей ночью эту я провел сладко. Расстегиваю дверцу, чтобы глотнуть свежего воздуха, и удивляюсь. Вокруг пасется стадо коров, а вдалеке стоят два пастуха с ветвями. Подивился немного и поставил котелок на горелку. Серая пятнистая буренка подошла и с любопытством разглядывала то палатку, то меня. Дедок в стеганой фуфайке и дырявой шапке подгонял стадо. Оно тучей двигалось дальше по лугу.

Сегодня надо забраться как можно дальше Красноярска, ведь после него до самого Иркутска нет крупных поселений.

Двинулся в путь. Иду в направлении Кемерово. С развязки попадаю на прямую дорогу в город, федеральная трасса идет через него. Оглядываюсь, место вроде хорошее: обочина широкая, видимость отличная. Только начал стаскивать рюкзак с плеч, как рядом захрустел гравий от резкого торможения покрышек. Оборачиваюсь, кричат из авто: «Садись, путешественник, подвезу!» Впервые такое. Не пришлось даже руку вытягивать.

Сажусь. Рассказываю про свой маршрут и смотрю на забинтованную ногу водителя.

– Я в больницу еду на перевязку, – говорит водитель, – а сам вообще директор интерната местного.

Объясняет мне дорогу. Он хотел было уже остановиться и показать направление, но из моих вопросов понял, что здесь совсем неудобно ловить попутку.

– Ладно, я тебя до северного поста ГАИ подброшу, – говорит он, – там легче будет.

Благодарю за это.

Проезжаем по городским улочкам. Смотрю в окно, наблюдаю за буднями местных жителей. Разговариваем. Директор жалуется на правительство и местную мэрию.

– У нас тут три большие шахты есть, – говорит он, – одна обвалилась недавно, и там погибло 113 человек, представляешь? Можно я тебе один вопрос задам?

– Конечно, – сказал я и вжался в кресло.

– А как молодежь Петербурга относится к правительству?

Я нахмурил брови, задумчиво поглядел в сторону и ответил:

– Либерально.

Директор недоуменно покосился.

– Что, совсем оппозиции нет? – сказал он.

– Да кажется, нет. Но это только мое мнение.

– У нас есть тут одна личность. В местном управлении сидит. Так эта личность награбила уйму денег из казны и не была подобающе наказана. Даже в СМИ освещали это. Ведь истинно по-русски: проходя мимо колодца, грех не напиться. Да? Но ведь и о людях надо думать, совсем уже затянули жилы у народа!

Доехали, высаживаюсь.

Жду рейса. Поток идет приличный. Через минут двадцать останавливается японский седан. Направление совпадает, сажусь. За рулем молодой парень, рядом сидит недовольная девушка. Уточняю, куда едут. Называют непонятное поселение, переспрашиваю, повторяют: «Анжеро-Судженск». Смотрю по карте, километров 40 меня провезут.

Молчим, обстановка в авто какая-то накаленная. Не буду лишним раз рот открывать. Впереди поворот с трассы. Останавливаются и высаживают меня. Даже извинились, что так недалеко подвезли.

Стою дальше и пристально всматриваюсь в странное дорожное решение. Дорога в четыре полосы уходит влево на провинциальный городок, а федеральная трасса отходит в сторонку одной полосой. Перед отъездом остановилось по меньшей мере три машины, чтобы понять, правильно ли они свернули. «Неужели трасса уходит одной полосой в сторону, а на поселок идут четыре линии?» – недоуменно спрашивали они. Да, глупо как-то. Возникает путаница, несмотря на дорожный указатель.

Останавливается мизерная Тойота. За рулем мой ровесник. Сажусь, и уезжаем отсюда.

Парень задает привычные вопросы. Только я открываю рот, как он отвечает на звонок и делает знак подождать. Он закончил говорить. Я успел сказать только слово, как ему снова позвонили. И так несколько раз. Когда телефон за-

молк, парень выслушал меня, улыбнулся и сказал:

– Занятная поездка. Довезу тебя до Красного Яра.

Что это? Жаргонное название Красноярска? Уточняю. Нет, оказывается отдельный населенный пункт через сто километров.

– Я водителем автобуса работаю, – говорит он, – как раз сейчас со смены еду.

Мы то поднимались в горку, то плавно спускались по изгибам. На разных участках пути парень рассказывал истории, которые связаны с конкретным местом.

– Вон там завод небольшой, – он указал в сторону, – мы там кирпичи воровали. А вон там с друзьями в канаву угодили, нас тягачом вытаскивали. Уже подъезжаем. Пройди чуть-чуть, там место получше.

Благодарю и прощаюсь.

Поднимаюсь на небольшую горочку и встаю. Дорога проходит через поселение. На улице теплынь. Слева песочница и деревянная горка, где бегают и смеются дети. Эх, лето, детство и деревня. Справа через дорогу стоит беседка и старый бревенчатый дом с верандой. На доме табличка: «Теремок. Мы открыты».

Поднимаю руку, опускаю. Машин немного. Мимо проходит парень в засаленной робе, оставляя за собой шлейф мазута и соляры. Видимо автослесарь. Вздыхаю. Хочется кушать. Смотрю на кафе через дорогу, откуда тянется характерный дымок. Сглатываю слюну. Надо достать орехи, пере-

кусить. Ковыряю языком в дырке, где недавно была пломба. Слесарь идет обратно.

– Никто не берет? – говорит он, оголяя белые зубы на черном от сажи лице.

Киваю и пожимаю плечами.

Достаю орехи: расстегиваю молнию бокового кармана, развязываю пакет – и тут с разгона тормозит красная Мазда. Блин! Впопыхах все сворачиваю и ковыляю к машине. Вот почему не подъехать задним ходом!

Закидываю рюкзак в багажник и сажусь.

Парень едет до самого Красноярска. Едем быстро, стрелка ложится ниже 140 км/ч. Пьет колу, предлагает мне, вежливо отказываюсь. Членовредительством не занимаюсь.

– Ну попей тогда морса, – говорит он, – у себя там в кармане возьми.

Беру пластиковую бутылку с кислотно-розовой жидкостью. Открываю, протяжно шипит словно газировка. В воздухе пахнуло сладкой брагой. Пью, остается пивное послевкусие.

– Ну как? – спрашивает он, – я на разлив взял.

– Понятно тогда, отчего такой специфический вкус.

Он смеется.

Как у вас там в Питере по тачкам? Есть нормальные? – говорит он, – у нас в Красноярске живет знаменитый гонщик, – он назвал фамилию и имя, которые я впервые слышу, – он мастер в дрифте. Ездил даже в Японию на чемпионат.

На перекрестке промчался мотоциклист на спортивном байке. Без экипировки только в шлеме.

– Дилетант! Серьезный мотогонщик не выезжает без защиты, – говорит парень, – я однажды ехал ночью с другом, видим, на дороге лежит балка, как труба, поперек проезжей части, а дальше разбитый вдребезги мотоцикл и скорая. Остановились, оттуда на носилках уносят человека в полусознании. Он все ворочался и стонал. Ниже колен у него ободранные ошметки. Это пассажир, водителя мы не застали. Когда уезжали оттуда, фельдшеры искали оторванные ноги. Позже показывали этот случай по новостям. Водитель жив, но получил травму позвоночника. Теперь на коляске ездит.

Проезжаем морщинистые терриконы и крупный завод с множеством дымящих труб. Промышленный пейзаж завораживает видом власти над природой, эдакий укротитель и завоеватель. Но и отталкивает, навевая страх перед содеянным и невозвратным. Тыкаю пальцем.

– Да, добывают горный минерал, – говорит парень, – очень дорого, и производство очень вредное для окружающей среды.

Разговаривает по телефону, договаривается о встрече.

– Немного не довезу тебя до Красноярска, – говорит он, – километров пятьдесят.

– О, пустыки. Тем более мне в сам город и ненужно.

Останавливается, прощаемся. Достаяю рюкзак из багажника и дальше на поиски попутки.

Вот уж не помню, кто меня подобрал, но следующие два с половиной часа я проклинал все на свете. Машина ехала в сам Красноярск. Я попросил подвезти до объездной. Так и сделали. На въезде в город распласталась неуклюжая развязка. Дорога на объездную шла то в горку, то в спуск. Обочины нет никакой, более того, дорога впритык огорожена железным отбойником.

Немного прошел и остановился попытать счастье хотя бы полчасика. Вдруг кто остановится. Голосую я на сточной канаве, рядом выезд с поворота, а за мной длинный подъем через мост. Естественно все разгоняются, тем более грузовики. Если кто меня видит, успевают только развести руками.

Проходит 29 минут. Психую. Беру на плечи рюкзак и устремляюсь в долгий подъем. Прохожу мимо поля, где игриво скачут и пасутся лошади. Рыже-коричневые, молочно-белые пегие, иссиня-черные. На одной гарцует наездник.

Минут через сорок утомленный трудным путем забираюсь на горку. Здесь дорога прямая и ровная. Обочина более или менее приемлема без ограждения. Голосую, практически сразу останавливается Киа Соул.

– Я тебя немного провезу, – говорит мужчина в кепке, – но здесь место совсем неудачное, а там будет получше. Я как-то однажды подвозил двух девушек, а они путешествуют вчетвером, параллельно с ними добираются еще девушка и парень. Так я как раз их к тем ребятам и высадил.

Останавливается на съезде.

– Вот и приехали! – говорит он.

Выхожу.

Место не так уж и отличается. Нормальной обочины нет, дорога идет на спуск. Из плюсов только дополнительный выезд из города. Значит машин больше. И правда, меня сразу же подобрали.

Километров 30 меня провез седой мужчина за внедорожником Тойота. И благо меня высадили на отличном месте с широкой обочиной.

Время близится к ночи. На часах девять вечера. Лучший вариант – добраться до Канска. Но и так уже хорошо: от Красноярска отъехал. Как темнеет, поток машин сокращается. Стою себе, напеваю песни: «Женщина, не танцую! Женщина, я не танцую! Хватит улыбаться...» Тьфу ты черт, привязалась...

Время от времени поднимаю руку в поисках попутного ветра. Через полчаса останавливается УАЗ Патриот пикап. За рулем тучный громила в спортивном костюме.

– Куда тебе? – говорит он низким охрипшим голосом.

– В сторону Канска.

Кивает в знак одобрения.

– А мешок куда? – спрашиваю я.

– Кидай в кузов.

Небрежно закидываю и лезу в салон. Хлопок двери, трогаемся.

Водитель не то чтобы толстый, скорее похож на пауэрлиф-

тера. Голова наголо выбрита под станок. Сзади на шее складки, как у шарпея. Глаза темно-карие, взгляд хищно поблескивал. Всякий раз, как он говорил или улыбался, спереди рта красовался золотой зуб. Над задними сиденьями болталась вешалка с рубашкой и пиджаком. На зеркале висела бирка с его фотографией, где из всех слов разобрал только: «ДЕПУТАТ». Рядом с рычагом КПП лежит пачка презервативов. Хм... я в замешательстве. В салоне воняет рыбой и кислым потом. Запах невыносим, поэтому нос держу у раскрытого окна.

– Чем вы занимаетесь? – спрашиваю я.

– Меня сейчас на должность поставили в ДОСААФ, – прохрипел водитель.

Сдвигаю брови и морщину лоб. Что это? Что-то знакомое.

– А напомниме, что это?

– Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту, – с недовольной ухмылкой, тщательно выговаривая каждое слово, расшифровал он.

– А-а-а... это то место, где учат школьников вождению и прыгают с парашютом?

Он утвердительно кивнул.

– Так их же практически не осталось? – говорю я.

– Так-то да. Их мало, но они еще держат существование.

Но в условиях нашей экономики, все к этому и идет. Какая у нас система экономики? Рыночная система! А какую при-

быль может принести ДОСААФ? Из бюджета финансирования на нас не полагается, а если и так, то его явно мало для обеспечения работы.

– А мы можем остановиться где-нибудь на заправке? А то у меня воды не осталось.

– Обязательно заедем. А ты чем занимаешься?

– По большей части работал в ресторане. Начал официантом, закончил админом. Но сейчас там не работаю, поэтому как закончится отпуск, буду бороздить океан трудового рынка.

– А отчего ушел?

– Надоело. На управленца учился, управленцем и работал. Стоит это все в горле. Ведь как с людьми надо обращаться, только авторитарными методами. Снисхождение к ним боком выйдет, а демократия не работает. Ну здесь так точно... А авторитарий для меня тяжеловат, я человек нежесткий, трудно пинать людей. Но работает только авторитарий.

Он пристально посмотрел на меня и с улыбкой и сказал:

– Это единственно верный способ. Мы с тобой еще не познакомились?

Протягиваю руку и называю имя. Он жмет и отвечает скороговоркой:

– Сандр Сергеич.

Заезжаем на парковку, где растянулись торговые павильоны. Я забегаю и покупаю воду, Александр Сергеевич стоит рядом и шутит с продавщицей, мол, еще и деньги надо за

воду?

– Кофе будешь? – спросил он.

Я согласился.

Иду к машине, закидываю пятилитровую бутылку в кузов и возвращаюсь. Сидим и молча пьем кипяток растворимого кофе. Пластиковый стаканчик плавится, становится мягким и обжигает пальцы.

Александр Сергеевич начал душевный разговор. Говорили о проблемах людей в массе, и проблемах человека в целом. Говорил в основном он, а я больше поддакивал. И зачастую с его мнением я действительно согласен. Вообще, на протяжении всей поездки я избегал высказывать свое мнение, чтобы ненароком не влезть в противоречие с мнением собеседника. Так что практически всегда я только поверхностно поддерживал беседу, но не лез в её русло.

Вернулись в авто и едем дальше.

– Ты где живешь? – спрашивает Александр Сергеевич.

– В поселке Ульяновка. Рядом с Колпино.

– А-а, знаю эти места. В доме значит живешь?

– Ага.

– Значит ты не такой уж и чмошник! – смотрит на меня в упор и сверкает золотым зубом.

– Своеобразный комплимент, но спасибо.

– Один чмошник как-то смеялся, что я живу в доме. Мол, туалет у меня на улице, выгребная яма, как в средневековье. Я ему говорю: мой туалет находится в 50 метрах от дома,

а у вас туалет в метре от кухни, где вы кушаете. И кто из нас более цивилизованный, а? – ко всему этому Александр Сергеевич подробно описывал, как отвратительна жизнь в многоквартирных домах, приписывая к речи яркие краски городской мерзости.

За окном уже ночь.

– Может, ко мне заедешь переночевать? – говорит он, – я живу недалеко от Канска, в деревне Абан. Это 60 километров к северу от города.

В общем, хорошо бы поспать в доме и на кровати. На улице довольно-таки холодно. Может, и помыться получится, тоже не лишнее.

– Хорошо, только если утром сможете довезти меня до трассы.

– Довезу, если надо будет.

Разговор иссяк. Александр Сергеевич потянулся к магнитоле и провернул ручку громкости. Забренчала музыка девяностых, бандитские и воровские темы. Переключил. Запел знаменитый актер СССР под гитару. Песни и с юмором, и с жизненной остринкой. Сижу и вспоминаю его фамилию. Через песен так десять Александр Сергеевич кивает и спрашивает:

– Знаешь, кто поет?

– Да я как раз вспоминаю.

– Эх ты! Высоцкий!

– А-а-а-а, – протягиваю я с облегчением.

– А-а-а-а, – язвительно дразнит он, поднимая мощные плечи.

Снова завели философскую пластинку. Александр Сергеевич заключил:

– Было бы все хорошо, если бы все следили за собой. А ведь все смотрят, что у соседа делается за оградой, а надо бы на свой участок смотреть. И тогда бы все проблемы решились.

Въезжаем в Канск. Проехали минут десять и остановились возле кафе.

– Надо на минутку зайти поздороваться, – говорит он, – пошли!

Александр Сергеевич выпрыгнул из машины и начал разминаться будто перед схваткой. Он тянул ноги, вращал головой и делал все это довольно энергично, несмотря на его массивный торс. Рывками забрался на крыльцо и открыл дверь, я следом. Внутри обыкновенное кафе. Вдоль прохода расставлены четырехместные столы. Все пустые за исключением одного. Подходим и здороваемся. За столиком сидят три лица из страны ближнего зарубежья, как выяснилось позже из Грузии. Один – худой старик с седыми волнистыми волосами. Двое остальных – тучные громалы, как и Александр Сергеевич. На громалах висели золотые цепи, а на пальцах блистали перстни. Все в приподнятом настроении. Стол заставлен тарелками с сырной и колбасной нарезками, рядом стоит опорожненная бутылка водки.

Садимся за стол. Мне предлагают чай, а Александра Сергеевича настойчиво упрашивают выпить. Александр Сергеевич в основном разговаривает с худым стариком. Двое громил переговариваются на своем языке. Молодая девушка с черными распущенными волосами приносит фарфоровый чайник. Ее зовут Катя. Так ее называли. Медленно потягиваю чай и смотрю телевизор, где крутят зарубежные клипы. Александру Сергеевичу наливают рюмку. Он стоически отодвинул ее в сторону, хотя немного колебался. Просит кружку и пьет со мной чай.

Из разговора понятно, что ребята только разогреваются и собираются кутить дальше. Приглашают и Александра Сергеевича. Подошел еще один тучный грузин, и начали собираться. Худой старик отдал распоряжения Кате, выходим на улицу.

Холодно, чуть ли пар не идет изо рта. Сибирь: днем жарко, а ночью холодно. В кафе гаснет свет, выбегает Катя.

– Поехали! – сказал кто-то.

Иду к УАЗику Александра Сергеевича, а он посадил худого старика на мое место. Сзади никак не пристроиться.

– Вон садись к ребятам, не бойся. Рюкзак свой оставь у меня, – говорит Александр Сергеевич, сверкая зубом.

Иду к ребятам. Сажусь во внедорожник и еду неизвестно куда и зачем в компании трех незнакомых грузинов и Кати. Весело. Нет, действительно, куда заведет окончание дня?

Пока едем, разговариваю с одним из громил. Говорит, что

жил как-то в Петербурге несколько лет, бывал даже и в моем районе. Останавливаемся у такси.

– Дружище, поезжай за нами, – сказал грузин у руля.

– А что надо-то? – высунулся из окна шофер такси.

– Да подвезти надо. Давай поехали, здесь недалеко.

Таксист помялся, сказал: «Не, у меня вызов тут», – закрыл окно и остался на месте.

– Тьфу, напугал таксиста своей рожей!

Катя громко рассмеялась.

– Да ладно, там вызовем.

Подъехали к многоэтажке, выходим. Катя вызвала машину. Ждем, ребята болтают на свои темы, я стою в сторонке и слушаю. На мне теплый свитер, но холод все равно пробирает. Прошло четверть часа. Кто-то задает резонный вопрос:

– А таксист-то повезет пятерых?

– Блин, надо было две машины заказывать!

– Да ладно, уже ждем. Приплатим ему если что.

Еще минут через десять подъезжает Лада Калина. Наконец-то! Не то что бы я устал ждать, просто холодно.

Загружаемся, Катя примостилась на коленках у одного из грузин. Ехать довольно тесно, зато тепло. Сижу и греюсь. В минуты, когда взывают общие потребности, например, в тепле, замыкаешься на них. Вот и сейчас мне все равно, куда мы направляемся, и когда я лягу спать. Мне было холодно, сейчас мне тепло, на остальное наплевать.

Приезжаем в другое заведение. На улице выставлен стол

с тентовым навесом. Александр Сергеевич с помутненными глазами говорит мне:

– Сейчас покушаем и уедем.

– Хорошо, только я мясо не ем.

Он пристально зыркнул на меня, рассмеялся и сказал:

– Ешь тогда траву!

Рассаживаемся, все оживленно разговаривают, я только слушаю. Официантка приносит широкие блюда с овощной нарезкой и теплым пышным лавашем. Принесли и водку.

Седой старик начал мне представляться:

– Я Рамсес, а это Катя, – он положил руку на плечо девушке.

Старик поочередно указывал на остальных и проговаривал колкие имена, которые я тут же забывал.

– Сможешь запомнить? – спросил он.

– Ну, постараюсь, – зажато ответил я. Запоминать было уже нечего.

Каждые пять-десять минут Рамсес поднимал рюмку и произносил очень длинный тост. Начинал издали и постепенно приходил к конкретной вещи, заканчивая так: «За что говорится и пьем».

– А ты кто? Рюсский? – обратился Рамсес ко мне.

Чувствую подвох.

– В каком это смысле? – сказал я, – вы про паспорт говорите или про то, где я родился?

– А ты знаешь, какая самая тупая нация? – сказал Алек-

сандр Сергеевич и повернулся ко мне.

– Нет-нет, дай я расскажу это, – подхватил Рамсес, – один рюсский говорит другому рюсскому, что самая тупая нация – это грузины. Тот спрашивает: почему? Он отвечает: у меня сосэд грузин и я ему уже тры года говорю: моя жена, не твоя жена, – а он все никак не поймет!

Все надрывно загоготали.

– Так что когда женишься, не селись с грузинами, ха-ха!

– Так ты рюсский? – повторно спрашивает Рамсес.

– Один мой знакомый киргиз рассказывал, какой с ним произошел случай, – говорю я, – идет он по Петербургу, останавливают полицейские на проверку документов. Рядом стоит парень, которого тоже проверяют. Внешность у него чистого славянина, – за столом все напряженно вслушивались, – мой знакомый киргиз достает российский паспорт. Полицейские выпадают в осадок. Оказывается у парня со славянской внешностью киргизский паспорт, а вот коренной киргиз ходит с российским. Шутят, что им надо поменяться паспортами, – история закончилась, но все продолжали задумчиво молчать. – Так что же людей делает русскими? Паспорт или внешность?

– Так ты не ответил на вопрос!

– Ну да, русский, – ответил я.

Приносят два блюда шашлыка с зеленью и луком. На вид очень аппетитно, но я отламываю кусок теплого лаваша и ем, запивая персиковым соком.

– Да попробуй ты, – говорит мне Александр Сергеевич и указывает на блюдо, уложенное доверху мясом.

Отказываюсь.

Ребята осушили одну бутылку водки и половину второй. Среди тучных грузин был один задиристый с кудрявыми волосами и выпученными глазами. Он все время предлагал мне водки, косился на мою пустую тарелку, то и дело порывался заказать мне манты или что-то еще. Но я каждый раз отказывался. Он же постоянно наливал всем еще и еще, а когда Александр Сергеевич начал отказываться, пучеглазый грузин менялся в лице. Из веселого простодушия он перетекал в хмурое недоумение, словно его оскорбили. Остальные все время его поправляли, мол, не надо, не навязывай. Он успокаивался на пару минут, а потом снова принимался за свое. По неловким движениям его волосатых рук было видно, что он основательно надрался.

Рамсесу это надоело, и он поднял тост за пучеглазого. Произнес длинную и хвалебную тираду, закончив так:

– И умен ты настолько, сколько звезд сияет в небе!

Лицо задиры знаменовалось высокомерным благородием.

– Посмотри, много ты видишь звезд? – сказал Рамсес.

Я и остальные невольно выглянули из-под тентового навеса – показалось затянутое густыми облаками небо. Ни одна звезда не сияла. Все покатились раскатистым смехом, я тоже не сдержался. Только пучеглазый нахмурился, но очередная шутка вернула прежнюю веселость.

– А ты из богатой семьи? – обратился ко мне Рамсес.

– Ну так, не сказал бы. Скорее из среднего достатка... – неуверенно проговорил я, чувствуя очередной подвох.

– Да он не понимает, – сказал кто-то.

– У тебя мама, папа есть? – спросил Рамсес.

– Есть, – ответил я и понял суть вопроса.

– Значит, ты в богатой семье живешь, – заключил он.

Вечер растянулся. Скука и сонливость закрадывалась в беседу. Александр Сергеевич начал рассказывать пошлые анекдоты, чтобы как-нибудь оживить компанию. Все наелись досыта, и я в том числе. Решили выпить кофе и закругляться.

– Заходи ко мне в кафе, – говорил Рамсес, когда прощался.

Пучеглазый задира долго держал мою руку в пожатии и что-то невежливо выговаривал, отчего сам конфузился. Он был пьян, а я в гостях. И я промолчал.

Сели в авто и отправились. Александр Сергеевич вел машину медленно и даже чрезмерно осторожно, захмелел бедолага. На выезде из Канска он указал на знак, где была стрелка направо с подписью: «Иркутск – 1 320».

– Запоминай, это бугор, – говорит Александр Сергеевич, – тут все фуры идут в сторону Иркутска. По объездной мимо Канска.

Как выехали из города, прибавили газу. Проскочили знак, до Абана 50 километров. Боже, еще ехать минут сорок! Чего-то за сегодня я утомился. Хорошо, лягу спать на кровати,

расставлять палатку сил нет.

Вибрирует телефон, звонит сосед. Отвечаю.

– Здорово, Диман! Как оно? – донесся весёлый голос с той стороны.

– Все в порядке. Спасибо, что позвонил. Как доберусь до Байкала, тоже отзвоню.

Смотрю на время – почти три ночи. Поздновато он звонит, а нет же, у него еще и одиннадцать вечера нет. Вряд ли он подумал о местном времени.

Дорога стелется среди полей, которые сплошь затянуты густым туманом. Временами проезжаем повороты на поселения.

– Моя деревня в самом конце дороги, точнее, в тупике, – говорит Александр Сергеевич и усмехается.

Глаза так и норовят закрыться. Больше всего на свете хочу наконец приехать до места. Проезжаем табличку: «Абан – 20». А-а, еще двадцать километров!

Как томительно. Въезжаем в поселок. С трудом виднелись очертания деревянных домов. Уличного освещения нет, на улице мрак, да и глаза на пол-оборота закрыты. Остановились у ворот. Александр Сергеевич вышел, сместил вбок въездную дверь и запарковался на участке. Всюду разбросана техника времен СССР. Старый грузовой ЗИЛ, мотоциклы Урал и военный внедорожник ГАЗ. На вид еще та рухлядь. На первый взгляд участок кажется заброшенным и захлавленным.

Прошли во двор, зашли в избушку напротив дома. Внутри такой же беспорядок. Посередине громоздится каменная белая печь, по углам раскиданы принадлежности для пчеловодства, инструменты и ножи, на полу сор из щепок. У окна стоит двухместная кровать, на которой навалены полосатые матрасы. Александр Сергеевич подходит к ней и начинает небрежно расправлять.

– Ладно, дальше сам разберешься, – говорит он, показывает на печь, – если хочешь, затопи.

– Куда уж, – отмахиваюсь я, – так посплю.

Выходим, указывает на будку на другом конце участка.

– Клозет, если есть нужда.

– Как быть утром? – спрашиваю я.

– Запиши мой номер, набирай если что.

Желает спокойной ночи и уходит.

Первым делом закрываю форточку в избе, с улицы веет холодом. Разворачиваю спальник на кровать: укрываться нечем, решил спать в нем. Гашу свет. Время начало четвертого... День выдался долгим, но до Иркутска уже рукой подать. Ставлю будильник на девять утра. Смотрю на стальные мечи, подвешенные у изголовья кровати. Хм, довелось же ночевать у такого интересного человека-воина. Засыпаю...

День 7

Сразу и не проснулся. Глаза слипались и не хотели раскрываться.

Отворил форточку – свежий воздух ворвался вместе с запахом сена, кудяхтаньем кур, шелестом листьев и прочими отголосками деревенской жизни. Пью воду и повторно разглядываю комнату. Ничего нового не нахожу, лишь явственнее рассмотрел рабочий беспорядок.

Выхожу и направляюсь в нужник. Идет длинная дорога в обход участка, и тропа напрямик через пасеку, где жужжат пчелы. Рискнул и пробежался мимо ульев. Удачно, меня пропустили и туда, и обратно.

На крыльце дома сидит женщина в тряпичной шляпе с широкими полями и вздыхает. Встретились взглядом – издали здороваюсь. Отвечают тем же и спрашивают:

– А вы кто?

Подхожу и объясняюсь. Уточняю:

– А Александр Сергеевич еще спит?

– Да, но сейчас я посмотрю, – она приподнялась, – меня Татьяна Илларионовна зовут.

Уходит, я покорно ожидаюсь.

Тело все измятое, хоть и ночевал не в палатке.

Выходит Александр Сергеевич с заспанным лицом и об-

тирает полотенцем круглую лысую голову. Он все язвительно подшучивал надо мной. Пошли в дом завтракать. Минуем спортивную комнату с тренажерами, восхитился этому. Александр Сергеевич застыдился лести. Сели на угловом диване в просторном зале. Перед глазами плазма, за ней комод набитый коллекционными фолиантами с позолоченными переплетами.

Татьяна Илларионовна приносит две тарелки омлета с ветчиной. Сглатываю слюну и тихо напоминаю о предпочтениях в еде. Александр Сергеевич громко смеется и зовет жену.

– Извините, что зря готовили, – говорю я с опущенной головой.

– Слазь вниз и принеси ему банку огурцов, – говорит Александр Сергеевич, – а мед ты ешь?

– Ем.

Александр Сергеевич достает из-под стола трехлитровую банку, наполненную съедобным золотом. Порезав белый хлеб, беру ломоть и густо намазываю медом. Сладко, вкусно, прихлебываю горячим чаем.

Татьяна Илларионовна вылезает из подполья с банкой и идет на кухню.

– Я так-то про огурцы пошутил, – прошептал мне Александр Сергеевич, – ну раз уж достала.

Приносят тарелку с соленьем, свежим болгарским перцем и зеленью. Пощипываю и оттуда.

Мимо проходит девушка лет семнадцати с симпатичным лицом и стрижкой каре. Одновременно здороваемся.

– Это моя младшая дочь, – говорит Александр Сергеевич.

Во время трапезы разговариваем по большей части обо мне. Из кухни доносится голос Татьяны Илларионовны, спрашивает меня о том о сем. Она временами подходила и справлялась, не надо ли чего еще?

Закончили с завтраком, выходим.

Александр Сергеевич показывает на кабинку и говорит:

– Холодный душ примешь?

Татьяна Илларионовна ухмыляется. Отказываюсь.

– А куда это ты собрался? – говорит Александр Сергеевич шутливым тоном, – пока ремонт на участке не доделаешь, мы тебя никуда не отпустим. Ну ладно, отпустим, но сначала все грядки нам вскопаешь. Ну-ка, дай паспорт посмотреть на минутку.

Татьяна Илларионовна все ухмыляется.

– Сейчас поедем уже, только разгрузимся, – сказал Александр Сергеевич и отбросил в сторону шутливость.

Из кузова пикапа он поочередно вытаскивал белые тканые мешки, а я принимал и складывал на земле. На этикетке значилось: «Рыбий протеин». Вот что так воняло в машине!

– Для чего это? – спрашиваю я.

– Кур кормить.

Садимся и отчаливаем. Прощаюсь с Татьяной Илларионовной, желает мне счастливого пути. Она вручила гостинец,

банку из-под кофе с медовыми сотами внутри.

Пока едем, рассматриваю поселок. Все облагорожено, чисто, зелено. На перекрестке болтается старый, но исправный светофор.

Еще до выезда за пределы двора я заметил тень смущения на лице Александра Сергеевича. Словно его подъедала совесть.

– Помнишь про бугор? – говорит он, – доберись сначала туда, там и начинай путь.

Доехали до знака, где перечеркнуто название деревни, и остановились. С унылым лицом Александр Сергеевич произносит напутствие, а я от души благодарю за все, не показывая и толику возмущения за несдержанное слово.

Уехал. Может, у него своих забот полно. Меня подвозить – час с лишним времени терять, черт бы его побрал! До Канска шестьдесят километров, время уже одиннадцать. Попробуй еще выбраться из этого захолустья, этого тупика. Делать нечего, нет смысла лелеять надежду увидеть Байкал сегодня, самое меньшее завтра после обеда.

Почти никто не проезжает. Водители легковушек символически показывают в сторону, мол, едут недалеко и скоро уйдут с шоссе. Из чащи по лесной дороге выворачивает КамАЗ. Машу рукой. Место пассажира занято, понятно. Выезжает другой, водитель пристально посмотрел на меня и остановился. Вприпрыжку залезаю в кабину. Едет в Канск. Довезет до самого бугра!

В кузове шумно, поэтому особо не разговариваем. Спидометр неисправен, но по ощущению плетемся не быстрее 40 км/ч. Конечно уж лучше, чем пешком. Проезжаем в стороне деревню под названием «Огурец». Улыбаюсь и говорю:

– Оригинальное название.

Водитель смеется и отвечает:

– Тут разные названия попадают. Угораздит кого-нибудь спросить, где живешь? И ответят: в Огурце!

– В районе краснодарского края федеральная трасса проходит через поселение «Счастливая жизнь», – говорю я, – и буквально через три километра эта же фраза перечеркнута на знаке. Кончился поселок, и счастливая жизнь тоже.

На дороге начинается подъем, ползем еле-еле. Еще вчера эта дорога казалась утомительно-длинной, а сегодня, несмотря на меньшую скорость, будто едем быстрее. Обратный путь всегда короче.

Останавливаемся напротив заправки, рядом висит указатель в сторону Иркутска. Прощаюсь, закидываю рюкзак на плечи и иду на поиски удачного места.

Миновал заправочную станцию и остановился утолить жажду. От жары во рту пересохло. Солнце не щадя лучится на землю, восполняет холодную ночь. Дорога покрыта щебенкой и засыпана слоем песка. Транспорт проезжает довольно часто, практически все дальнобои. Едут медленно, поднимая за собой столб пыли, который весь меня обволакивает. Никто не останавливается. Никто не хочет меня под-

бирать.

Проходит сорок минут. С раздражением провожаю взглядом медленно уходящие фуры. Постою еще минут двадцать и пойду отсюда, искать другие пути. Здесь мертвая зона, проезжающие только ухмыляются. Придется идти обратно на дорогу, ведущую в город. Сколько еще предстоит плутать перед тем, как выйти на трассу. Хоть бы километров пятьсот проехать сегодня.

Проходит 54 минуты. Еще пять минут и сруливаю отсюда! Здесь я только глотаю пыль.

Остается две минуты, проезжает поток машин. Проедет и пойду. Завершает цепочку военный Урал с черными номерами. Поднимаю руку и... останавливается! Осторожно забираюсь по вихляющимся навесным ступенькам в кабину и закидываю рюкзак. За рулем мужчина в засаленном камуфляже с растрепанными волосами и щетиной. На лицо признаки контрактника. Спрашиваю направление.

– Километров пятьдесят подвезу. Там на трассу выедем, – говорит он, оголяя передний ряд золотых зубов.

– Мне главное отсюда выехать, а то тошно уже здесь находиться.

Едем по сплошным кочкам, которые присыпаны щебенкой. Дорога совсем неважная.

– Еще километров 17 так трястись, – говорит контрактник.

Верно, поэтому желания подобрать меня не возникало.

Впереди тянулся ужасный отрезок пути, а еще отягощать себя попутчиком. С другой стороны, все едут со средней черепашьей скоростью, скучно ведь, а так и поговорить можно было. Чего гадать, ведь удача мне подмигнула.

Урал – машина мощная, такое бездорожье для нее раз плюнуть. А вот еврофурам здесь несладко. Моя двойная удача – ехать на таком агрегате.

– Вы где служите? – спрашиваю я.

– На РАВ складах. Склады и автопарк я там в основном нахожусь.

– А срочники служат у вас?

– Да вроде был один...

Выехали за городскую черту на просторную трассу. Окно нараспашку, ветер приятно обдаёт лицо, аж волосы развеваются. Смотрю на прикуриватель.

– Работает? – спрашиваю я.

– Нет, а что?

– Да хотел телефон подзарядить.

Контрактник вытаскивает с верхнего бардачка блок с тремя выходами под автомобильный разъем. Достаю переходник и ставлю на зарядку.

Поначалу я ежедневно отписывался родным, где нахожусь. Позже они сами начали мне говорить, куда я подъезжаю. Они следили за моим движением за счет услуги провайдера связи. После я отписывался только словами, что все нормально.

Едем уже больше часа. Что может быть лучше для стопщика, чем просто ехать в нужном направлении? Но всему когда-нибудь придет конец, так и поездка на этой попутке завершается. Контрактник показывает в сторону железнодорожного переезда.

– Там за шлагбаумом самое то для тебя место, – говорит он.

Останавливаемся на съезде с трассы, так же осторожно слезаю. Рядом остановка, где сидят два школьника. Они удивленно вытаращились на меня. На переезде стоит покосившийся деревянный домик, во дворе которого небольшое поле, засаженное картофелем. На этом поле щуплый мальчик нехотя окучивает землю. Скорее даже делает вид, чем окучивает. На дворе лето, солнце. Хочется гулять и купаться, а не ковырять сорняки. Но видимо от урожая картошки зависит полнота тарелок на столе. Остается только смириться.

Через рельсы проезжают медленно. Встаю на обочину и поднимаю руку. Не проходит и пяти минут, как съезжает китайский грузовичок. Открывается окно и оттуда доносится громкий вопрос:

– Тоже на Байкал собрался? Садись, подвезу!

Может, сегодня не такой уж и плохой день?

– Я как-то подвозил одного паренька, программиста, – говорит водитель в солнцезащитных очках, – твоего единомышленника так сказать по способу отдыха. Примерно год назад. Тогда ему меньше повезло, чем тебе. Погода была

ужасная: постоянно лили дожди, чуть ли не мокрый снег, а ночью вообще заморозок наступал. А он, как и ты, с палаткой да со всеми причиндалами на улице ночевал. Так что тебе повезло с погодой.

Соглашаюсь, что тут еще добавить.

Чем дальше заезжаю вглубь Сибири, тем больше люблю живописными просторами, сквозь которые пролегает дорога. Как описать красочные цвета растительного мира на возвышающихся до небес холмах, где густые загадочные леса? Самая богатая фантазия человека не приблизится к величию произведений матери-природы.

– А дальше куда поедешь? – спрашивает водитель.

– Собираюсь до Владивостока. Как там ехать, нормально?

– После Читы дорога хорошая. А до него путь отвратительный. И живность там куда крупнее, чем здесь. И на медведя можно напороться. Даже тигры амурские на дорогу выбегают. Смотри, как бы не сожрали тебя там в палатке, ха-ха!

Такого поворота событий я не ожидал. Я надеялся, что дикие животные к трассе не подходят. А говорят, что такое возможно. Но меня это не останавливает, не поворачивать же назад из-за этой новости? Нет, такому не бывать. Уверен, что животные просто так на людей не нападают, скорее они сами нас побаиваются. Главное, правильно себя утешить.

Ровная дорога временами сменяется дырявым полотном темно-синего цвета, асфальтом это не назовешь. Бывает, трясемся километров пять, а бывает, и тридцать. Когда пре-

одолевали такие куски, скорость резко снижалась, да и китайский грузовичок не приспособлен для суровых российских путей. На рубеже колдобин нас с грохотом трянуло на кочке.

– И напоследок! – озаменовал водитель, выезжая на гладкую дорогу, – дальше подобного не встретим.

Солнце снижается, окрашивая пространство яркой желтизной, словно алхимик превращает неблагородный металл в золото. Впереди небольшая речка с подступом, заворачиваем туда.

– Надо бы охладиться, впереди долго реки не будет, – говорит водитель, – сходи тоже умойся.

Выходим. Глаза пожирают местную красоту: хвойно-зеленые сосны, землистые утесы, каменистое побережье реки, нежно-голубое небо и белоснежные облака. Водитель снял футболку и обливается водой. Я тоже оголился. Ох, холодная! Освежились, отправляемся дальше.

Въезжаем в город Тулун, трасса проходит через него. На Т-образном перекрестке останавливаемся. Водитель говорит, что наши пути расходятся. Желаю удачи и выхожу.

В очередной раз завезли меня в город. Придется выбираться, здесь меня никто не подберет. Открываю рюкзак и вытаскиваю свитер, температура идет на убыль. Подъезжает машина.

– Куда едешь? – спрашивает водитель.

– В сторону Байкала, подвезете?

Водитель меняется в лице, резко отрывает: «Нет!» – и дает отсюда газу. Вот клоун.

Закидываю ношу и отправляюсь в путь. Прохожу монолитные пятиэтажки. Водитель сказал, что город маленький, но я все иду и иду, края не видно.

Городские многоэтажки сменились деревенскими домами. Решил остановиться, попытать счастье. Место неудачное: обочины нет, только поворот во двор. Машины хоть и едут, но все разгоняются. Каждая третья такси, значит я еще в городе. Становится темно и страшно. Шучу, только темно.

Прошло больше получаса. Через дорогу аккуратная полянка, можно там разбить палатку. Леню искать место получше.

Из дома во двор выходит женщина и неуверенно семенит в мою сторону. Она подошла вплотную и обдала меня пропитанным выхлопом.

– Я давно на вас уже смотрю, – говорит она, – никто не подбирает?

– Да, пока никто, – отвечаю и отвожу лицо в сторону.

– Может, вам воды надо? – участливо спрашивает она.

Приятно, когда посторонний человек проявляет заботу. Мне бы лучше переночевать где, но навязываться не буду. От услуги отказываюсь, воды у меня вдоволь. Видимо, хмель еще не выветрился – женщина пустилась в разговоры.

– Тут каждую неделю разбиваются машины, – говорит она, – эх, так гоняют. И такие молодые парни все, а насмерть

расшибаются. Так нелегко здесь жить. Я встаю в шесть утра, отправляю детей в школу и до самого вечера занимаюсь хозяйством.

– Так все же так в деревни живут?

– Какая еще деревня? Здесь город, Тулун!

От последнего факта я встал в ступор.

– А вы куда едете? – говорит она.

– Да в сторону Иркутска. На Байкал.

– Ох, сегодня днем как раз сосед уехал в Иркутск. Мог бы и вас подвезти, если бы чуть раньше тут оказались. Эх, уже ничего не поделаешь.

Я развел руками.

Больше здесь делать нечего, решаюсь пройти дальше. Прощаюсь с женщиной и вопреки задуманному ночевать на полянке, иду вдоль дороги. Город будто только начинается! А я рассчитывал дойти до окраины.

На светофоре проехала спортивная Хонда. Из затонированных стекол был виден взгляд, который пристально осмотрел меня. Я вышел на длинный дорожный мост. Впереди та же Хонда стоит на аварийном сигнале. Когда я с ней поравнялся, из окна раздался голос:

– Путешествуешь?

– Да, – отвечаю я и смотрю в салон, где сидят три молодых парня.

– На Байкал, как и все?

– Ну да, на Байкал, а куда же еще? Тут до него считай

рукой подать.

– А чего на ночь глядя-то? Есть квартира пустая, можешь там переночевать.

Конечно, такое предложение немного смутило. С другой стороны, чего взять с путешественника-голодранца? Чтобы идти на какой-то обман, должна быть нажива. Минуту стоял и мялся.

– Да не бойсь, байкеры – люди добрые, – говорит ободряюще водитель.

– Ну раз байкеры, то ладно.

Неуклюже перелез ограждение и втиснулся к ним в авто. Тянут руки и представляются. За рулем Андрей, крупный в обтягивающей футболке, рядом Антон, худой и вытянутый, а со мной на пассажирском теска Дима. Ребята общаются между собой. Дима спрашивает меня о всяких мелочах. Едем минут пятнадцать.

– Мне сказали, что Тулун город небольшой, – говорю я, – а что-то не похоже.

– Он узкий, но сам по себе довольно длинный, – говорит Андрей, – так что это как ехать.

– А кто-нибудь может довезти меня до трассы утром?

Ребята переглянулись.

– Ну я могу, – говорит Антон, – перед работой как раз. В восемь утра.

– Отлично! – говорю я, – то, что надо.

Мы обменялись номерами.

Остановились. Пересаживаемся в другое авто. Дальше еду только с Андреем до его пустующей квартиры.

– Там сейчас ремонт, но жить можно, – говорит он.

Останавливаемся у подъезда пятиэтажки. Поднимаемся на четвертый этаж. Андрей открывает темную металлическую дверь и заходит, я следом. Он шаркает рукой по стене. Щелк – в прихожей озадились обшарпанные стены и красный деревянный пол. В конце коридора виднелась пустая комната с недавно поклеенными обоями. Проходим вглубь. Андрей показывает убранство, во второй комнате стоит двуспальная кровать на махровом ковре. Хорошо же мне будет на ней спать.

Андрей немного постоял со мной и попрощался. Я остался наедине с приятным чувством благодарности.

Первым делом пошел в душ. Надо сменить футболку, нынешняя уже засалена. Хорошо бы перекусить, днем я жевал только орехи, хотя особо не голоден. Обойдусь чаем. На кухне стоит чайник и мультиварка. Все покрыто внушительным слоем пыли. Не буду трогать, воспользуюсь своей горелкой. Вскипятил стакан воды и заварил пакетик. Сажу на мягкой кровати и попиваю чай вприкуску с цукатами. Сладко, вкусно, радостно.

Завтра уже доберусь до Байкала. Уже завтра... Еще недавно я ночевал рядом с Альметьевском и думал, как долго предстоит ехать, а сейчас оглядываюсь на прошедшую неделю и чувствую двойственность. Эти семь дней кажутся по-

лугодовым путешествием, но все-таки они быстро прошли. И теперь я, словно Джей Гэтсби, стою на пристани и протягиваю руку, чтобы ухватиться за край желаемого, ведь оно так близко.

Перед сном проветрил спальню. Выглянул из окна, вдыхал ночной воздух и всматривался в огни города. Завожу будильник на семь утра и кутаюсь теплым пледом. Делаю глубокий вдох и медленный выдох, глубокий вдох и медленный выдох...

День 8

Утро начинается со знакомых ритуалов. До восьми время есть, поэтому не спеша пережевываю овсяные хлопья каши.

Время подходит к отбытию. Вчера договорились, что Антон сам мне позвонит. На часах 08:02. Не вытерпел, звоню ему. Через два гудка отвечает сонный голос: «Да не забыл я про тебя. Через пять минут подъеду». Собираюсь и выхожу в подъезд. Раздался скрежет замка соседней квартиры, оттуда выглянула женщина в строгом костюме.

– Здрасьте, – говорю я.

Женщина кивнула и уставилась на рюкзак. Она спрашивает:

– Спортсмен?

– Турист.

Спускаюсь по узкому лестничному пролету. Сажусь на лавочку у входа. Наслаждаюсь приятной утренней прохладой. Из домов выходят люди и медленно волочат ноги, похоже, на работу.

Подъезжает вчерашняя Хонда. Сажусь и сразу отдаю ключи от квартиры. Не дай Бог с собой увезти, а то неудобно получится. Интересуюсь жизнью местных ребят, сам Антон работает в сети сотовых салонов. Из всей его речи я только это и понял. Говорил он невнятно, проглатывал слова. До

конца еще не проснулся.

– Я тебя там на кольце высажу, ладно? – говорит он.

Остановились на светофоре. С левого ряда из окна серебристой Тойоты высунулся парень и спросил:

– Пацаны, эта дорога идет на Иркутск?

– Да, все верно, – подтвердил Антон, – а можете паренька захватить? Он у меня тут сидит. Туда же едет.

Незнакомец поколебался.

– Надо остановиться и перетереть это, – говорит он.

– Езжай за мной, там есть парковка у кафе, там и решим, – сказал Антон.

Загорелся зеленый – тронулись.

– Вон, может, и до самого Байкала довезут тебя, – говорит Антон и смеется, – а ребята-то, видимо, совсем неместные. Смотри номера какие, с красным флагом.

И с кем меня еще судьба сведет?

Останавливаемся. Из Тойоты выходит массивный парень с черными уложенными волосами.

– Как пустить тебя в салон, мне надо твои вещи осмотреть, – говорит он, – я сам парень с улицы, знаю, что на дорогах творится.

Я человек не гордый, не протестую.

– Еще немного денег подкинешь мне на бензин, – продолжает он, – дорога неблизкая, а машину нагрузим тобой.

Антон удивленно вытаращил глаза и потихоньку пошел к своей машине. Я отрицательно помотал головой.

Вот ведь какой попался! Пускай едет себе, а я попытаю счастье на более дружелюбную попутку.

– Ладно, так довезу, – говорит он и открывает багажник.

Закидываю рюкзак. Он смотрит на мою сумочку с документами, которая болтается на шее.

– Ну-ка, открой, – сказал он.

Ничего интересного он там не нашел, даже складной нож не заметил. Прощаюсь с Антоном и благодарю его самого и друзей. Сажусь в Тойоту. На откинутах пассажирском сидении полулежа сидит девушка. Здороваясь, в ответ прозвучало что-то недружелюбное. Ну и компания попалась, дорога обещает быть долгой.

Едем, водитель расспрашивает о всякой ерунде и впадает в эзотерические размышления о жизни... еще один попался. Как тяжело так общаться. С таких тем легко съехать на личности.

Девушка все это время лежала уткнувшись лицом в дверь и всхлипывала, демонстративно вытирая салфеткой выдавленные капельки слез. Она попросила сделать остановку.

Припарковались у придорожного кафе. Девушка побежала в туалет. Мы ждали на улице.

– Что с ней случилось? – спрашиваю я.

– Да это из-за тебя, что подобрали, – невозмутимо отвечает парень, – она была против, не хотела.

Я опешил.

– Тогда давайте я лучше сойду.

– Не-не, не стоит, довезем уже.

Садимся и едем дальше.

Нет желания разговаривать. Водитель представился Сашей. Он все задавал философские вопросы и сам же на них отвечал. Говорил он без умолку и тихо, почти шептал. Еще из окна вырывался ветер и уносил его слова в сторону, поэтому я решительно ничего не понимал из сказанного. Впрочем, мне и не интересно, но для приличия в нужные минуты я с согласием кивал. Единственное, что меня радовало, – скорость движения. Она не опускалась ниже 150 км/ч. Лихо, зато быстрее доберемся. Не то чтобы я торопился скорее приехать на озеро. Нет, я жаждал вырваться из гнетущей компании. Поэтому так важно, чтобы люди подвозили добровольно.

За время пути меня не раз спрашивали, хожу ли я на парковках в поисках попутного движения. Я отвечал, что напрашиваться – не мой вариант. Когда просят об услуге в лицо, отказать тяжелее, а некоторым и вовсе невозможно по своим особенностям. Получается, подвозят против воли. В авто создается тяжелая обстановка, беседа не вяжется, а если возникнут проблемы в пути, то можно стать козлом отпущения. Нет, лучше я буду тянуть руку.

Девушка осознала бессмысленность обиды и сменила тактику. Она медленно преобразовала кисло-обидчивое настроение в злобно-вредное. Но со временем девушка окончательно раскрепостилась. Саша все нежно прикасался к ее ногам

и ласково называл «Снега». Да и ко мне немного попривыкли. Неприятное ощущение присутствия незнакомца улетучилось.

Время начало первого.

– Надо бы заехать перекусить, – говорит Саша.

Останавливаемся возле двух кафе. Первая совсем непримечательна и больше похожа на продовольственный магазин. Вторая, напротив, располагает к себе. Она сколочена в виде бревенчатой избышки с яркой вывеской: «Теремок». Саша задумался.

– Какое место из двух выбрать? – говорит он.

Для меня разницы нет, я не собирался кушать. Сказал, что нет денег на кафешки.

У входа стояли дальнобойщики, Саша спросил у них совета, что довольно умно. Уж им-то известно, где хорошо кормят. Водители частенько указывали на закусовые со словами одобрения или порицания.

Жребий пал на первый вариант. Зашли внутрь, Саша повернулся ко мне и сказал:

– Я понимаю, ты путешествуешь налегке, так что закажи себе тоже. И не стесняйся, закажи, как положено, первое и второе.

Вот тебе на! Еще пару часов назад этот товарищ требовал деньги на бензин, а сейчас сам готов раскошелиться во благо моему желудку. Чудеса.

– Иди, смотри сам меню, – говорит он, – не я же буду тебе

заказывать.

Я начал робко перелистывать папку на барной стойке.

– Салат и макароны, – сказал я женщине за стойкой, – и кофе еще.

– А чего так мало? – говорит Саша, – возьми себе суп или еще чего-нибудь. А я забыл, ты же вегетарианец. Ну десерт себе посмотри какой-нибудь.

Кстати, я даже не признавался. Он меня сам «раскусил», когда узнал, что я читал Вадика Зеланда. Саша одобряет и Вадика, и диету.

Снега взяла солянку и салат с колбасой. Саша заказал только окрошку, которую ему нахвалила женщина за баром. Сказали, что все блюда заготовлены, но ждали мы томительные пятнадцать минут. Просто мы проголодались.

Хоть порции небольшие, наелся я от пуза. Неудивительно, за неделю желудок привык питаться двумя горстями орехов за целый день и сжался до невозможности. Снега, поковыряв солянку, нашла там перловку и брезгливо отодвинула тарелку. Саша не оценил расхваленную окрошку. Отхлебал ложки две и сказал, что слишком кислая.

Выходим. Снега направилась в уборную и не возвращалась оттуда ну очень долго. Я любовался на припаркованный у заправки чоппер. На широкое заднее колесо, на хромированные цилиндры и большую лобовую фару с козырьком. Эх, здорово путешествовать на мотоцикле! Разъезжаешь по бескрайним просторам, сам себе хозяин.

Вернулась Снега, оказалось, она еще никуда не сходила. Говорит, что перед ней захлопнула дверь цыганка с увесистым пакетом умывальных средств. Пошла пытаться вторую попытку.

С заправки вышла укутанная в цветастые платки женщина с пакетом в руке. Видимо, та самая цыганка.

Хорошо после обеда. Доброта распирает, словно пары брожения винную бочку. Но с добротой приходит и сонливость. Снега, не стесняясь, откинулась и через минуту захрапела. И меня начало рубить, но я стоически держался. Саша тоже силился не заснуть. Бодрствовать вдвоем безопаснее.

Солнце движется к зениту, становится душно. Проезжаем водоем и сворачиваем к побережью.

– Ты не против искупаться? – спрашивает Саша.

– Конечно нет, я никуда не тороплюсь, – ответил я со скрытым сарказмом.

Мелководье поросло камышом и пахло болотом. Саша с отвращением прошелся вдоль берега и не рискнул зайти в воду. Так что едем дальше.

До Иркутска оставалось километров сто. Как бы меня снова в сам город не завезли. Достаю атлас, вглядываюсь и говорю:

– Вы меня только в городскую черту не ввозите. Оставьте на объездной дороге в сторону Улан-Удэ.

– Ладно, оставить так оставить, – говорит Саша.

Пролетели указатель, до Иркутска 15 километров. На ча-

сах ровно три. Байкал, жди меня! Следом отворотка на съезд, останавливаемся.

– Оставь свой номер, – говорит Саша, – ты парень шустрый, может, пригодишься в Петербурге.

Без проблем оставил номер и попрощался.

Радостно чешу по стрелкам указателей. На обочине стоит фура, спрашиваю у водителя, правильно ли иду. Он с недовольной миной подтверждает.

Поднимаюсь в небольшую горку и стаскиваю рюкзак. Место превосходное, и машины проезжают часто.

Вдали виднеется человек, идущий скорыми шагами по направлению ко мне. Чем ближе он продвигался, тем отчетливее виднелся большой рюкзак за плечами и гитара в чехле. На лицо признаки путешественника. Мне было бы тяжело еще и шестиструнную подругу за собой волочить. Я и так руководствовался соображением, что чем меньше возьмешь, тем лучше.

Наконец ко мне подходит парень лет восемнадцати с сияющей улыбкой с длинными светлыми волосами, собранными в хвост, и с бронзовым загаром. Тянет руку и представляется Константином.

– Я сам из Белоруссии, – говорит он, – в пути с 11 мая.

– Ого, получается, это больше месяца прошло?

– Да я не тороплюсь никуда. Заезжаю в каждый город. Бывает, неделями там пропадаю.

Здорово, но каждому свое.

– Ладно, расходимся, – говорит он, – если кто остановится, спроси, есть ли место для меня, хорошо? – с этими словами он отходит буквально на пятьдесят метров.

Кажется, со стороны немного глуповато выглядит, когда я стою и голосую, а чуть дальше стоит и голосует другой человек. Словно два путника повздорили и принципиально решили искать попутку отдельно, при этом даже основательно не отдалились друг от друга.

Останавливается легковушка, внутри молодая пара. Говорят, что подвезут.

– А можете еще и того парня захватить? – спрашиваю я.

– Да все равно, – говорит водитель, – можем и двоих взять.

Машу рукой Косте, он подпрыгивает и бежит к нам.

Загружаем багажник мешками и садимся в салон.

Спрашиваю у Кости о его маршруте.

– Да я с корешем одним странствую, – загорланил Костя, – он познакомился с девушкой в доме для всех.

– Что это за дом? – спрашиваю я.

– А ты че, не знаешь? – Костя с презрением покосился на меня, – это место, где все останавливаются. В общем, этот дурак поехал вместе с подружкой через Монголию, а я поехал через Тюмень.

Местами в его рассказе встречались едкие фразы, за которые становилось стыдно. Спросил на свою голову, лучше бы ты молчал! Он закончил, и больше я не тревожил его вопросами. Я перегнулся и спросил у водителя:

– А вы куда направляетесь?

– А мы тоже к водоему, – говорит он, – но на речку. Она протекает в стороне от озера, но часть Байкала мы зацепим.

– Там недавно местные рыбаки русалку выловили! – восторженно говорит девушка, – а еще здесь неподалеку на горе живет лама. Он несколько лет ничего не ел, не пил, жил закопанный в земле, а живой! Слышно, как сердце бьется.

Девушка воодушевлено рассказала еще пару местных историй о неведомых чудесах.

– Как-то сомнительно все, – сказал я, – не верить же всему, что показывают по телевизору? – я закусил губу.

Девушка нахмурилась. Обидел, похоже.

– И дыма без огня не бывает, – говорит она.

Молчу, а то высадят еще.

Поднимаемся по дороге и выезжаем за мохнатый холм. Открылся вид на красочный серпантин, ведущий к поселению, и... барабанная дробь! Байкал, я до тебя добрался! Бескрайние просторы глубокой синевы сливаются с небесами и создают впечатление нечто единого, словно нет границы между небом и водой. И все окружено лесистыми горами, уходящими вдаль за горизонт. Все затраченные усилия стоят даже того, чтобы просто взглянуть на это.

Остановились на минутку перед спуском. Водитель показывает на побережье, где можно разбить палатку. В километре от дороги тянется засохшая песчаная отмель, а рядом закоптелые здания и порталные краны. Не нравится мне это

место. Надо бы проехать подальше.

С ветерком спустились, и наш транспорт уходит в другое направление. Косте предложили ехать дальше, ведь ему до Улан-Удэ, но он решил остаться на федеральной трассе.

Идем с Костей чуть дальше до заправки, где место получше.

– А ты как питаешься в дороге? – спрашиваю я.

Костя сверкнул глазами и ответил:

– А меня сама дорога кормит. А когда деньги нужны, то на гитаре в переходах играю.

Останавливаемся, голосуем вместе.

Тут же заворачивает небольшой манипулятор. За рулем худой парень, который что-то невнятно произнес. Понятно только, что едет он недалеко. Я сажусь, а Костя остается.

Водитель одной рукой правит, другой – доедает шаурму. Соус стекал по волосатому локтю, и водитель его облизывал. В салоне жара, так что соус наверняка приправлен потом.

– Не знаете, где можно устроиться с палаткой, чтобы красиво было? – спрашиваю я.

– Есть одно место, где речка снежная впадает в Байкал. Это возле Выдрино. Там отличное местечко.

Намотаю на ус.

Проехали километров пять, въезжаем в Слюдянку и останавливаемся. Молча стоим.

– А вы дальше не едете? – говорю я.

– А вам куда надо?

Вот истукан! Ничего объяснить не может. Ладно, надо выходить. Недовольно прощаюсь и выпрыгиваю.

Можно сказать, я на месте, найти бы еще побережье для отдыха. Может, у местных спросить? Отдамся пока воле случая. Иду вдоль дороги по разбитому тротуару, кругом ходят люди. Между двухэтажных домиков из камня проглядываются детские площадки. Квадратная деревянная песочница, лесенка в форме радуги и ржавая горка по центру. Ностальгия.

Из города выходить долго, так что попытаю счастье здесь. Дорога хоть и прямая, но без обочины. Встаю рядом с пешеходным переходом. Остановка запрещена, но здесь хотя бы возможно остановиться.

Голосую с тротуара. Подходят двое бородатых мужчин в грязных оборванных одеждах. Внешний вид говорит за себя.

– Подскажите, сколько времени, – спрашивают они.

Я ответил.

– А какое число?

Ответил.

– А какой день недели?

Издеваются, что ли! Промолчал. Они минутку помялись и пошли дальше. Чего они хотели или чего добивались? До конца неясно.

Интересно, где сейчас Костя? Может, уже проехал мимо меня.

Проезжает манипулятор, который только что меня вез.

Водитель машет мне рукой. Машу ему средним пальцем в ответ. Вот же... он свернул с дороги и уехал вглубь городка.

Через полчаса останавливается минивэн, оттуда выбегает паренек с раскосыми глазами и черными длинными волосами.

– Куда тебе? – спрашивает он.

– Да тут недалеко, – я указал рукой в сторону, – вдоль побережья.

Кивает, чтобы садился.

Протискиваюсь в забитый людьми салон. Еле усаживаюсь, кладу рюкзак на колени. Неудобно, но что поделать. Все пассажиры азиатской внешности, как и водитель.

– А вы куда едете? – спрашиваю я.

– В Монголию, работать, – отвечает мужчина слева.

Да, целый фургон гастарбайтеров меня еще не подвозил.

Опускаю глаза в карту. Где бы сойти? Может, и вправду попробовать в Выдрино? Не понравится – уеду. А если и дальше на всем побережье не очень, то придется ехать обратно. Может, плюнуть, да ехать вперед, минуя озеро? Глупо как-то. На карте рядом с поселением Танхой зеленый кружок: «Байкальский заповедник». Спрашиваю, могут ли подвести до него.

– Мы сначала в Байкальск заедем, а потом дальше двинемся.

– Да мне не к спеху, – говорю я.

Сквозь деревья промелькнула аккуратная набережная,

вдоль которой запаркованы легковушки. Попроситься выйти тут? Нет, решил же ехать дальше.

Свернули с трассы и спускаемся ближе к озеру. Между холмов простирается городок. Завернули на рыночную площадь и остановились. Хоть ноги разомну, а то все затекло под рюкзаком. Но вышел только водитель. Он открыл багажник и отдал две картонные коробки с ширпотребом девушкам-азиаткам. Девушки еле волочили тары, а ребята в салоне подсмеивались и выкрикивали им вслед что-то на своем языке.

Тронулись дальше. Бросает в дремоту. Я добрался до главного места, расслабился и заснул. Сквозь полуоткрытые глаза увидел знак: «Республика Бурятия». Следом промелькнул указатель: «Выдрино». Хм, Бурятия...

– Мы еще не добрались до места, куда тебе надо? – спрашивает меня водитель.

– А указатель был? – отвечаю я.

– Нет, но мало ли.

Водитель волнуется, ведь я сказал, что тут не далеко, а едем уже два часа. Да я и сам не уверен, проехали мы или нет.

Словно буюк в море, всплывает белый знак с надписью «Танхой». Водитель облегченно вскрикивает: «Вот оно!» – останавливается и высаживает меня. Хотел сказать «рахмад», да побоялся и сказал: «Спасибо, до свидания».

Озера не видно. Рядом с обочиной стоит деревянная буд-

ка, увешенная копченой рыбой. За прилавком женщина.

– Как выбраться на побережье? – спрашиваю я.

– Это чуть дальше по трассе, – говорит она, – там заправка и поворот налево. Увидите.

Благодарю и двигаюсь в горку.

Минул уже второй спуск и поднимаюсь в третий раз. Вроде сказали недалеко, но тащусь уже полчаса. Вдали виднеется отголоски цивилизации. Хоть бы там оказалась эта чертова заправка! А нет, это только начало Танхоя.

На автобусной остановке сидит женщина.

– Скажите, здесь где-нибудь можно выйти на берег? – скинув рюкзак, сказал я.

Она улыбнулась и говорит:

– Можно здесь свернуть и выйти. А можно и дальше пройти, но там еще далеко, так что лучше здесь.

Действительно. Мне уже лишь бы упасть где-нибудь, так вымотала жара и пешая дорога.

Дохожу до перекрестка, направо заповедник, налево озеро. В заповедник загляну завтра, сейчас сил нет. Сворачиваю и спускаюсь по проселочной дороге. По бокам застроены деревенские домики. На участках копошатся люди.

Вышел на железнодорожные пути, пересекаю их. Рядом большие насыпи щебня, вагонетки на рельсах и подъемник.

Послышалось журчание волн, омывающих берег. В животе обожгло радостью, как от рюмки горячительного. Хочу взглянуть! Скидываю рюкзак на траву и пробираюсь

сквозь заросли. Перед ногами небольшой обрыв и каменистый пляж. Все сомнения о неподходящем месте улетучились, место идеально! Пройду дальше.

Дорога сужается в тропинку. Слышится треск дерева в костре. Спускаюсь и обнаруживаю рыбацкое прибежище. На берегу сидит мальчик и ломает сухие ветви. Вокруг него бегают дворняжка.

Подхожу и здороваюсь.

– Где бы здесь разбить палатку? – говорю я.

– Да можно прямо здесь, – говорит мальчик, – место тут хорошее ровное. Вон и костер есть.

Я медленно распаковался. Сначала освежусь, а после и поужинаю.

Мальчишка пока сторонится меня. Ему лет двенадцать. Волосы черные коротко острижены, на коже темный загар. Похоже, из рабочей семьи.

Указываю на лодки у берега. Он улыбается и говорит:

– Это моего отца. Он здесь рыбачит.

– Ты значит сын рыбака? И как уловы?

– Раньше много было. Сейчас рыбы совсем нет. Все потому что травят.

– Травят? В смысле сбрасывают отходы в озеро? – уточняю я.

– Да, с заводов выбрасывают.

Я немного помолчал и говорю:

– А уже купаются в озере?

– Да! Конечно купаются, мы с ребятами уже две недели купаемся! – восторженно ответил он и посмеялся.

Это придало решимости, а то наслышан о невозможно холодной воде, хоть и в самом чистом озере России. Переоделся и подхожу к воде. Мальчишка составил компанию. Медленно захожу в воду. Не то чтобы вода ледяная, но и не парное молоко. Палящие лучи солнца легко восполняют прохладу водоема, да и после дороги бодрит. Проплыл вглубь – дно стало песчаным, стопы приятно касаются.

Пробираюсь к берегу, выхожу и греюсь у костра. Тяну руку мальчишке и спрашиваю, как зовут.

– Саша, – отвечает он.

– В каком сейчас классе?

– В шестом. Только я школу не очень люблю. А вы играете в какие-нибудь игры на компьютере?

– Нет, не увлекаюсь. А вот мой папа любит.

Прозвучало как-то нелепо. Саша восторженно описывал, как он увлечен виртуальными мирами.

– А что там за заповедник? – спрашиваю я.

– О, там очень красиво! Но вход туда платный. И вообще, он обычно закрыт, а впускают туда только на открытие.

Я так понял, он имел в виду какое-нибудь местное событие. Значит не судьба мне туда попасть.

– Насколько вы здесь? – спрашивает Саша.

– Ненадолго, скорее всего, уже завтра уеду.

– Почему так быстро?

– Хочу заехать дальше. Конечно, я проделал неблизкий путь, но отсюда ещё прилично ехать.

Саша немного помолчал и спросил:

– А собака у вас есть?

– Да, конечно есть. И кот есть, полный набор.

– Ведь это наши самые главные друзья! И у нас кошка есть. А это Черныш, – он подозвал дворняжку и погладил ей шею, – они любят играть друг с другом и купаются даже вместе. Черныш убежит в воду, а Муська его догоняет, прыгнет за ним и плывет обратно на берег.

– Что, и кошка купается? – удивляюсь я.

– Да, да, купается!

– Надо же, кошка сама добровольно в озере купается.

Саша пронзительно посмеялся.

– Оставайтесь подольше, – говорит он, – увидите, как Муська плавает. А мой папа может и на лодке вас покатать!

– Правда может?

Наверное, здорово прокатиться на лодке по Байкалу.

– Конечно, может. Ему несколько не сложно!

Расставляю палатку. Саша любопытно наблюдает и даже старается помочь. Ставлю котелок с супом на горелку, голод посасывает. Предлагаю и Саше покушать, отказался. Он постоял еще немного, горячо попрощался и ушел.

Природа. Вселенная. Я.

Огненно-рыжий диск медленно впивался краем в небесно-голубую гладь озера. Не отвести взгляд. Не отстраниться

от безмятежности бытия.

Ужин готов. Я не торопился – чечевица проварилась и стала мягкой. Сухари размякли, суп стал насыщеннее. Хорошо, когда рядом водоем: и умыться легче, и посуду мыть. Обещал отзвонить родным и близким, когда доберусь, этим и занялся. Позвонил Бабушке, она сейчас дома одна, скучает. Позвонил соседу Валере, который не дождался и сам набрал меня в Канске. Родители и так знают, что я здесь.

Лягу спать пораньше. Хочу выспаться, ведь почти ежедневно я спал не больше шести часов в сутки. Время девять вечера, кипячу кружку чая. Становится прохладно. Ветер задувает с озера.

Закутался в спальник, ставлю будильник на 07:00.

Комаров практически нет. Этот вечер я посвятил отдыху. Прделанный путь кажется не достаточным как завершение. Я хочу добраться до Владивостока. Почему туда? Не знаю. Когда едешь на Байкал, объяснить проще, тут озеро, сибирская природа, а на дальнем востоке что?

Часть 2

Владивосток

*Лучше быть смелым, чем осторожным,
потому что судьба – женщина.*

Никколо Макиавелли

День 9

Холодно, как же холодно... Тело содрогается, в надежде согреться. На улице еще темень, надо постараться уснуть. Не получается. Черт, вот же колотун! Надо поспать...

Растираю плечи ладонями. Съеживаюсь в калачик, может, будет теплее. Вроде засыпаю, заснул...

Тряска снова разбудила. Светает, утро близится. Время 05:19. Дотянуть до звона будильника или встать? Нет, надо отдохнуть.

Как же я обрадовался первым лучам солнца, которые пронизывали теплотой палатку. Они еще так слабы, но настолько ощутимы.

Утро. Поспать подольше не получилось. Варю кашу. Не тороплюсь, все делаю размеренно. М-м, как приятно есть разваренные овсяные хлопья в холодное летнее утро. И неважно, что каша несоленая, несладкая и на воде – все неважно.

Споласкиваю котелок в ручейке у озера, умываюсь и сворачиваю отсыревшую палатку. Вряд ли она высохнет к вечеру. Выдвигаюсь в путь.

Прохожу поросшую мхом кирпичную арку, где сверху растянулись железнодорожные пути. Рядом журчит ручеек, который впадает в Байкал. Дальше особняком стоит пяти-

этажное здание, наглухо огороженное сетчатым забором.

Выхожу на асфальтированную дорогу, стоит мужчина. Похоже, ждет транспорт. Спрашиваю, где федеральная трасса.

– Вы на ней стоите, – сонно протянул он.

– Правда? А где заправка? Мне говорили, что она тут неподалеку.

– Вон там она, – он указал по направлению дороги, где вдалеке виднелись очертания старой будки и двух заправочных колонок.

Да уж, вчера бы я не доковылял. Благо свернул раньше. С судьбой не поспоришь, ей лучше знать, как лучше.

На дороге озаряется полная пустота. По календарю сегодня выходной – на работу никто не едет. Но минут через пятнадцать останавливается праворульная легковушка, откуда выходит мужичок с седыми усами в стиле Халка Хогана.

– Куда тебе? – говорит он, шевеля усами.

– В сторону Улан-Удэ подвезете?

– Садись, – кивнул он и пошел за машину, расстегивая ширинку.

Я сел и захлопнул дверь. Мужичок глянул удушающим взглядом и сказал:

– Еще раз так хлопнешь, пойдешь пешком.

– Хорошо, я все понял, извините.

Тронулись.

– А вы куда направляетесь? – спрашиваю я.

– Далеко.

Увертывается от ответа. Ладно, едем пока, а дальше будет видно.

Мчимся со скоростью свыше 150 км/ч. Не сбавляем даже на поворотах. На одном так вообще выскочили на встречную полосу и ехали по ней. Вот гонщик! Водитель косится на мои широко раскрытые глаза и вцепившиеся руки в обивку сидения.

– Да не бойся ты, – с улыбкой говорит он.

– Да я и не боюсь. Вы бы наверняка и в дрифт вошли.

Смеется.

– Резину жалко, – говорит он, – а так можно было бы. Зимой самое то.

Дорога расстилается вдаль, по обеим сторонам еловые пики тянутся к облакам. Постепенно из горной растительной местности въезжаем в гладкую холмистую степь. По большей части едем молча. Иногда водитель рассказывал о месте, которое мы проезжаем.

– Я смотрю, тут почти все с праворульными ездят? – говорю я.

– Да, раньше было выгодно, – говорит он, – я покупал машину в Японии, перегонял сюда и продавал с большим наваром. А сейчас размер таможенной пошлины бывает чуть ли не в трижды, а то и в четырежды выше стоимости самого авто. Вот и пришлось завязать с этим. Но в свое время хорошо обогатился.

Кругом поля. Проезжаем пастбище, на котором пасутся коровы с бирками в ушах. Краем обходим Улан-Удэ, где расхаживают люди с характерными иссиня-черными волосами и раскосыми глазам, словом, буряты.

Водитель согласился провезти меня дальше. Подбросит до самого Забайкальского края. Уже хорошо. Предел мечтаний на сегодня – добраться до Читы.

Не оторвать взгляд от широких полей, сплошь поросших зеленой травой. Поля то вздымаются в холмы, то растягиваются в плоскую равнину. Здесь действительно захотелось сделать остановку. Но не в этот раз.

Заворачиваем в поселок.

– Надо бы перекусить, – говорит водитель.

Входим в столовую. В меню исключительно традиционные блюда: хинкали, жирные супы с бараниной, плов и прочее. На утверждение, что я не ем мяса, водитель никак не отреагировал, даже усом не повел. Обычно люди ухмыляются и говорят, что все это глупости или что мужик должен есть мясо. Либо наоборот, поддерживают и соглашаются, что избирательность в еде полезна и разумна. Здесь же было исключительное равнодушие.

Говорю пухленькой женщине за прилавком:

– Мне макароны и салат.

– К макаронам котлетку, гуляш, тефтельки? – спрашивает она.

– Нет, нет, просто макароны.

– А может колбаску или сосиску? – она широко улыбнулась.

– Нет, только гарнир, – я улыбнулся в ответ.

Водитель рассказал о своей дочери. Она училась на лингвиста и работает по профессии. Он к ней и едет в Петровск-Забайкальск.

Мы проехали еще часа полтора, затем я вышел в открытом поле, а водитель свернул в сторону поселения. Неподалеку стоит отель-кафе, большой деревянный дом с плакатом на всю стену: «Продается». В пути я частенько замечал подобное. Дальнбойщик Дима сказал, что надо кормить вкусно и обустроить место стоянки для грузовиков, тогда и люди будут заезжать. А когда меня везли до Тулуна, то показали на дорогу в километре от трассы. Там стояли обветшалые кафешки и магазины. Раньше федеральная трасса шла по той дороге, и туда часто заезжали, теперь дорогу сместили, и все проезжают мимо. Та же история с заправочными станциями. Не раз проезжал заброшенные колонки вдали от дороги.

Машин почти нет. Часто проезжает строительная техника, видимо, где-то ремонт.

Останавливается большой самосвал. Залезаю в кабину. Знакомимся, представляется Сашей.

– Я сам бывал в таких ситуациях, когда ловил попутку, – говорит Саша, – главное правило автостопа: не остановился первый, остановится десятый, не остановился десятый, остановится пятидесятый. И вот еще одно: если голосуешь, то

стой на месте. Если человек идет, то все думают, что ему недалеко или просто лень идти, вот никто и не подбирает.

– Все так, – подтверждаю я.

– А семья у тебя есть?

– Не-а.

– Вот и у меня нет, а надо бы. Мне уже 35 лет. А ведь просто так и нельзя, надо как-то обеспечить семью. Я вот каждый месяц по двадцатке откладываю с зарплаты. Уже не один год, а что-то все мало кажется.

– Нарращивать капитал – это хорошо.

Лишь бы судьба злую шутку не сыграла.

– Подвезу тебя недалеко, – говорит он, – километров двадцать, но зато там место хорошее: заправка, и магазины, и площадка, только до нее дойти надо минут пять.

Останавливаемся. Он сворачивает, а я поднимаюсь в горку.

Забрался на ровный участок, вдоль дороги тянутся белые столбы с маленькими ветренными мельницами и солнечными батареями. Здорово, используют природную энергию. Справа галерея придорожных магазинов и кафе, слева заправка. Прохожу в конец и встаю на широком съезде. Место хорошее, и шел я недолго. Саша не обманул.

И хотя дорога до Читы извилистая, и завитушки занимают время, планирую добраться до Владивостока через три дня. Обратный путь автостопом мне не осилить. Конечно, я бы мог, но явно без удовольствия. Поэтому хочу сесть на по-

езд и целую неделю двигаться по транссибирской магистрали напрямиком в Москву.

За тридцать минут проехало четыре машины. Погода лучится солнцем, я не голодный, а местность располагает к попутке – что еще надо для странника? На меня засмотрелись из внедорожника марки Форд. Машина неторопливо сбавила скорость и остановилась. Казалось, внутри обсуждали, брать меня или нет.

Подбегаю. За рулем худощавый мужчина лет пятидесяти в солнцезащитных очках, рядом женщина. Нам по пути, согласились взять с собой.

Из вентиляционных отверстий приятно обдувает охлажденный воздух. Женщина расспросила обо мне и моем пути, даже немного пофилософствовала. Сами едут к детям, которые служат где-то тут. И вообще, они семья военных.

– Мы тоже в Петербурге жили, – говорит женщина, – в Выборгском районе.

– А я служил там рядом, – говорю я, – в Каменке.

– И мы там служили, – отвечает водитель, – вот как тесен мир. У нас как говорится, если два офицера через полчаса разговора не находят общих знакомых, то один из них шпион.

Я молчу, разговоры временами так утомляют. Водитель болтает с супругой, но я слышу только хриплые выкрики Гарика Сукачева из динамиков авто.

Проезжаем участок леса, где сквозь стволы деревьев про-

сачивается серо-черный дым.

– Горит. Каждый год горит, – говорит водитель, – наверно, лес так и будет гореть. И ерунда это, что виной всему человеческий фактор: окурки, костры и тому подобное. Чуть! Здесь замешаны деньги. У нас в законодательстве по деревообработке запрещено использовать горелую древесину, но зато в Китае из такой древесины делают отличные столы и стулья, которые потом попадают на наш российский рынок.

Вспоминаю, что во время дороги видел, как целые составы, наполненные древесиной, уходили вдаль. «В Китай», – как говорили водители.

– И на экспорт отправлять лес выгодно для компаний, – продолжает водитель, – Китай им платит хорошую цену, поэтому его легче спалить и отправить нашим соседям. И лесная охрана в этом замешана. Как же без них. Им заплатят больше, если пожар будет объемный. У них это как за боевой выход считается, поэтому они сами ждут, когда пламя разгорится и охватит как можно больше. Да что уж там, они сами и поджигают лес, ведь им платят за это.

Правдивые причины пожаров шокируют. Я даже расстроился. Из-за подобного нерационального обогащения разочаровываешься в людях. Неужели ценность природы ниже ценности денег? Я слишком наивный.

– У лесной охраны неправильная оплата труда, – говорю я, – надо как в Японии, где врачам платят, пока клиент здоров, но стоит ему заболеть, оплата сразу прекращается. Так

же и с лесами сделать: пока лес в порядке, платить, а за каждый случай возгорания удерживать деньги. А то конечно выгодно, чтобы лес пылал. Так вообще и без деревьев останемся.

По мере продвижения в сторону Читы, холмы плавно снижались в степную равнину. Изредка вдоль дороги рассыпью тянулись потемневшие деревянные хибары. Рядом огороженные дощатым забором загоны с домашним скотом. Пасутся в основном коровы, но встречаются и лошади, и козы.

В пути уже больше трех часов, время катится к вечеру.

– Мы скоро будем уходить с дороги, – говорит женщина.

Проехали еще немного и остановились на обочине. Прощаются.

– Может, пачку сухарей ему отдадим? – говорит супруга, – возьмешь сухари сладкие?

Соглашаюсь.

Супруга достает из пакета пачку сухариков, которые все в детстве макали в сладкий чай, и нередко обильно смоченный кусок с брызгами плюхался в кружку. Отдает мне пачку и шаркает в целлофановом пакете, ищет вторую.

– Спасибо, – говорю я, – и этой вполне достаточно.

Пока я вылезал из салона, супруга сказала:

– Удачи тебе, будешь потом рассказывать, что тебя подвозил сам генерал армии.

Они трогаются и уезжают. Да, кого только не повстречаешь.

Убираю сухари в рюкзак. Перед сном сделаю горячий чай и отведаю вкус детства. Мошкара облепила. Кусаются, зараза! Достаю спрей и обильно поливаю себя отравой. Протираю руки салфеткой, черпаю горсть орехов и жую.

Никто не останавливается, да и машин особо нет. Но добраться до Читы хочу сегодня, здесь не самое симпатичное место для ночевки. В пути мне рассказывали о жестокости местных. Здесь будто остались «восьмидесятые», у многих есть огнестрельное оружие. Нападали и на туристов. Конечно, с меня брать нечего, нет ни денег, ни дорогих вещей. Но в примитивных грабежах сначала нападают и только после выясняют, чем поживиться.

Минуют два раза по четверти часа, а я по-прежнему на месте. Останавливается Тойота хэтчбек. За рулем аккуратно подстриженный парень.

– Я в город еду, – говорит он, – могу подвезти.

– А мне туда и надо!

Запрыгиваю внутрь.

Задаёт те же самые вопросы. Рассказываю, что еду из Петербурга во Владивосток. Он выразительно поглядел на меня и сказал:

– Какой интересный человек мне повстречался.

Все остальное время он рассказывал о себе и о городе Чита. Сейчас он работает мастером пивного оборудования и едет домой к жене. Он пятнадцать лет занимался велоспортом, три последних года из которых пытался бросить это за-

нятие.

– Спорт – это наркотик, – говорит он, – я без него не мог. Меня в прямом смысле ломало, если я не занимался. Но все же на пятнадцатый год я завязал. А так я мастер по велоспорту.

Временами на дороге проводились ремонтные работы. Мы съезжали на грунтовку, и в багажнике грохотали инструменты. Водитель представился Сашей.

– Мы сейчас съедем с трассы, – говорит он, – но ты не волнуйся, мы на нее выедем обратно. Поедем через аэропорт: впереди длинный участок ремонта, поэтому быстрее в объезд.

– Да я и не волнуюсь.

Проезжаем речку у холма, где местные рыбаки дрейфуют на резиновых лодочках. Въезжаем в черту города.

– В этой части у всех дачи, – говорит Саша, – и у меня здесь тоже. Удобно: пятнадцать километров до города. После рабочих будней все съезжаются и отдыхают. Хотя Чита такто не очень чистый город.

– А почему?

– Люди такие, сами грязь разводят. И еще одна беда здесь: цены на бензин, наверно, по России самые высокие. Мне топливо оплачивает компания, так что мне повезло, а вот другим туговато приходится. Но жить здесь нравится, переезжать никуда не собираюсь, да и не хочу.

За окном мелькают пятиэтажные хрущевки, проезжаем

по окраине. Смеркается. Было бы здорово, если бы Саша пригласил к себе, но что-то я совсем обнаглел. Доброта людей избаловала.

Дорога все дальше отходит от города. От одного края приехали к другому. Впереди дорожное кольцо, рядом торговый центр.

– Я сейчас уйду направо в город, – говорит Саша, – а тебе двигаться прямо.

Останавливаемся и радушно прощаемся.

Если не уеду отсюда, зайду в магазин. Воды совсем не осталось, а на утро для завтрака надо хотя бы пол-литра. Отхожу чуть дальше по дороге, скидываю рюкзак и поднимаю руку. Слева густо поросший деревьями пригорок. Если останусь ночевать, придется пролазить туда, может, там найдется полянка. На поиски надо идти пока светло, во тьме пробираться сквозь заросли совсем худо. Постою еще минут сорок, если впустую, то да здравствует палатка и горячий чай с сухарями.

Останавливается легковушка, в салоне двое крупных смуглых мужчин. Спрашивают, куда мне, отвечаю. Пассажир лукаво улыбнулся, водитель пригласил внутрь. Сажусь. Как обычно, расспрашивают о моей аванюре.

– Жалко, что не заехал в самую Читу, – говорит водитель, – не погостил. Город очень красивый! Приезжай хоть в следующий раз.

Смеюсь и говорю, что все возможно.

Пассажира достаёт из пакета бутылку с кислотной жидкостью и с красочной этикеткой.

– Будешь пить? – спрашивает водитель.

– А что это?

– Лимонад.

– Тогда не откажусь!

На этикетке написано: «Грузинские напитки». Лимонад оказался довольно приятным на вкус. Осушил бутылку за минуту, я сегодня мало пил воды.

Мужчины разговаривают между собой. Пассажиру пришла СМС, он читает и восторженно делится новостью:

– Англия вышла из Евросоюза!

Водитель аж подпрыгнул на месте и застучал по рулю.

– Давно пора уже! – заорал он, – все, теперь Америке хана!

Сейчас все пойдет на лад, и евро моментом сдуется!

Сам я удивился этой новости. Больше недели я оторван от всяческих СМИ и без понятия, что делается на земле и уж тем более за границей. Все что угодно может произойти, а новость об этом доползет неизвестно когда. Так вот приеду обратно, а окажется, что в России теперь... коммунизм.

Нас резко обгоняет грузовик, груженный кирпичами. Водитель шарахнулся и пробормотал:

– Вот же придурок.

– А вы куда сами едете? – спрашиваю я.

– В Шилку. Это километров двести от города. Там на повороте заправка есть, там и выйдешь.

О, как хорошо. От Читы прилично отъеду и воду куплю на заправке. Водитель кивает в сторону и говорит:

– Вон, смотри, чего наворотили!

Слева стоит подсвеченное придорожное кафе, подъезд к которому перегорожен жестяным отбойником.

– Это все дорожные строители пальцы гнут, – продолжает он, – им не заплатили, вот они и палки в колеса втыкают местным предпринимателям.

– Да, несправедливо.

– И это не единичный случай. Такое здесь повсеместно.

Резко снижаем скорость, всматриваюсь вперед. На обочине мигают аварийные сигналы грузовика, водитель ходит по дороге и растаскивает красные осколки кирпичей. Поторопился и вот тебе.

Время двенадцать ночи. Темень, дорога, лес. В полумраке свернули на заправку. Говорят, что можно обменяться номерами. Я не возражаю.

– Если встрянешь неподалеку от Хабаровска, – говорит водитель, – то смело набирай. Там есть хорошие знакомые. В беде не оставят.

– Спасибо, но надеюсь, это не понадобится.

Диктую номер, благодарю за все и выхожу.

Надо купить воды. Вход в заправку закрыт, но работает окно. Лишь бы продукты продавали. Подхожу, передо мной пара человек. Оплачивают бензин и покупают сникерсы. М-м-м, сникерсы... Как я давно не вкушал этот приторный вкус

молочного шоколада, карамели, нуги и жареного арахиса. Податься искушению и купить? Нет, у меня по плану сухари с чаем. Но доберусь до Владивостока – куплю батончик, даже два!

Подошла моя очередь. Спрашиваю у охранника воду в пятилитровой канистре. Он, видимо, исполняет роль посыльного между кассиром и покупателями в окошке.

– Нет, нету, – ответил охранник и опустил лохматую голову, будто сам расстроился. А я вот точно расстроился. Вот же блин! Никакого чая на ночь, а завтра никакой воды с утра, соответственно и завтрака.

Иду к своему мешку, отцепляю канистру и проглатываю последние капли жидкого золота. Вся ценность воды понимаешь при её отсутствии. Цепляю на голову фонарь, закидываю рюкзак и смотрю на пригорок, в который надо лезть. Может, у них есть хотя бы литра полтора? И почему я сразу не сообразил? Хорошо, не ушел, возвращаюсь.

– А есть у вас вода в бутылке литр-два или меньше?

Охранник взглянул на свисающую канистру с рюкзака.

– Да мы можем так вам наполнить воды, – говорит он, – давайте свою тару.

– Правда? Питьевая вода? – я радостно отстегнул карабин.

– Да, конечно, нам ее в цистернах привозят, сами пьем.

Через две минуты он возвращается и отдает до краев наполненную водой канистру.

– Спасибо вам большое! – меня словно спасли.

– Да не за что!

Забираюсь на холм, перед ногами сухой ров метра два в глубину и в ширину. Тянется он от начала дороги на метров пятьсот в сторону. Нет никаких сил обходить – решаюсь на прыжок. Перекидываю мешок, с ним бы я свалился. Разгоняюсь и... ничком падаю на ту сторону. Диафрагма разрывается громким смехом. Прекрасное завершение прекрасного дня! Прошел еще немного и раскинул палатку под еловым деревцем.

Не хочу кипятить воду на улице. Пока буду ждать, всю кровь высосут. Может, рискнуть и поджечь горелку в палатке? Опасно, черт возьми, могу спалить свой дом. Аккуратно располагаю походно-зажигательную утварь по центру пола. Ставлю кружку с водой на тихий огонь.

Проходит минут пять, все хорошо, только странно глаза закатываются и сознание потихоньку отключается. В нос повеяло легким запахом газа. Встряхиваю головой и понимаю, что сейчас задохнусь. Я же форточку не открыл! Подрываюсь и расстегиваю окно с москитной сеткой – хлынул поток свежего воздуха.

Вода закипела. Кидаю щепоть заварки – рыжий цвет медленно поглощает прозрачную жидкость. Макаю сухарь в чай и кусаю нежно-хлебную мякоть с ароматом ванили. Детство, на вкус ты именно такое. Через десять минут наслаждения ставлю будильник и закутываюсь в спальник.

День 10

Вынырнул из лачуги за глотком свежего утреннего воздуха. Взору открылся домик через дорогу, словно выросший гриб после дождя. Вчера я задумывался, что хорошо бы не оказалось рядом поселений. Говорят, в этих краях от людей добра не жди.

Только я позавтракал, как увидел черного человечка, который медленно семенил ко мне. Он долго и протяжно взбирался на холм. Это неряшливый и заросший дед в грязном ватнике. Он взглянул на меня арийскими голубыми глазами и спросил о дороге. Спустя минутное молчание прорвалась томимая мучительным ожиданием просьба.

– Дай сколько не жалко денег, – сказал он, – на хлеб.

– Нету денег. Сам на попутках добираюсь.

Как же, на хлеб.

Дед обиженно потупился, медленно обернулся и поплелся обратно.

Умылся, свернул отсыревший спальник и палатку. Спускаюсь и отхожу подальше от дома. Утром обычно поток нулевой, но сейчас мне повезло: остановился белый внедорожник. Сажусь. Водитель с красным лицом говорит, что подвезет недалеко. А мне уже хорошо, что уеду отсюда.

Вообще, в путешествии автостопом тактика частых и ко-

ротких перебежек выигрывает перед редкими и долгими поездками. Долгий рейс может и не попадетя вовсе, а чем дальше заезжаешь хоть и по маленьким шажкам, тем больше шансов добраться до намеченной цели.

Водитель рассказывает, что работает военным. Хм, какой военный по счету меня подвозит? Указывает на просторное поле, усеянное бетонными столбами и огороженное колючей проволокой.

– Здесь раньше сплошь и рядом были военные радиобазы, – говорит он, – было все заставлено спутниковыми тарелками. А после перестройки все разрушили и растащили.

Он помолчал.

– Здесь людям тяжело приходится: работы никакой нет, – продолжил он, – в деревнях царит пьянство и тунеядство. Не хватает здесь железной руки правления, чтобы взяли и вытряхнули всю дурь с населения да указали на верный путь. А то этот бардак так и будет разрастаться, словно сорняк.

Проехали минут тридцать и распрощались. Стою в ожидании дальнейшего хода. Подъезжает черная Тойота Прадо, водитель через открытое окно подает знак, чтобы садился. Знакомимся, представляется Серегой.

– Куда держите путь? – спрашиваю я.

– Далеко.

Далеко – это хорошо. Главное, чтобы было по пути. Еду пока едетя. Буду импровизировать на месте.

– Я от дочки еду, – говорит Серега, – она живет у моей

бывшей жены. А эту тачку только сегодня купил. И завтра уже продам в Благовещенске. По крайней мере, надеюсь на это.

– Так мы сегодня до Благовещенска доедем?

– Постараемся. Я давно уже этим промышляю, продаю автомобили. В Забайкальском крае обычно авто в цене ниже чем в Амурской области.

Во время дороги у нас установился негласный таймер разговоров. Мы беседуем минут двадцать, а после сорок минут молча слушаем музыку.

Над нами в небе скользит массивная птица с широким размахом крыльев, кончики которых заостренно торчат.

– Это орел летает? – спрашиваю я.

– Это нет, не орел. Для орла маловат. Сокол, скорее всего.

– У нас в Питере воробьи да голуби в основном. Так что я в птицах не очень разбираюсь.

Сереге смеется.

– А правда, что тут можно встретить амурского тигра или медведя? – спрашиваю я, – они ведь сторонятся дороги? Я так-то ночью в палатке.

Сереге саркастически посмеялся и говорит:

– Да байки это! Всю жизнь здесь живу, столько километров намотал по этой дороге и ни разу никого не видел. Только зайца и то однажды. Все крупные животные в тайге, до них на транспорте не доберешься.

При последних словах я тихо выдохнул, отлегло от души.

Мысль о диких животных не сильно беспокоила, но всякое бывает.

Время два часа дня. Дорога овеяна каким-то волшебством. Серый асфальт устремляется вдаль за горизонт, по краям проезжей части расстилаются высокие хвойные заборы, из которых вылетают волны белых бабочек. На протяжении многих километров пепельные мотыльки порхают с правой части леса, пересекают дорогу и уходят в левый край. Многие из них летят невысоко, поэтому сталкиваются с нашим несущимся вперед авто и погибают, запечатлевая смерть пятнами Роршаха на лобовом стекле. Хочется снизить скорость и наслаждаться этой красотой миграции. Из общей массы бабочек выделялись отдельные парочки. Они порхали вокруг друг друга и шли в одном направлении. Как это мило, влюбленные бабочки. Может, в другой жизни это были люди с плохими отношениями, а в этой им выпало счастье пребывать в гармонии.

Едем в постоянном темпе, изредка заезжаем на заправку.

– Впереди будет участок дороги, где самый дорогой бензин в области, – говорит Серега, – его надо проскочить без дозаправки.

Захотелось есть. Наверное, останавливаться в кафе не будем, так что достаю орехи и отсыпаю горсть в руку. Угощаю водителя, он взял скромную щепоть.

– Возьмите еще, – говорю я.

– Да их все равно много не съесть.

Вот перекусил, и незаметно подкралась дневная дремота. Кончик носа попеременно опускался и резко вздымался.

– Да не мучайся, откинь кресло да вздремни, – говорит Серега.

Я уже не удивляюсь подобному предложению, но радовать это не прекращает. Что может быть лучше: и приехать, и поспать? Закрываю глаза и мгновенно падаю в пучину забвения.

Сквозь сон слышатся отдельные фрагменты музыки, сонливость отходит. Стараюсь раскрыть глаза. В полуоткрытую щель век размыто видится что-то невообразимо прекрасное. Смешение цветов и воздушности, словно семена одуванчиков распространились в окружении, а мы плывем сквозь них. Я даже сонно выпалил: «А что это такое красивое?» Открыл глаза шире и окончательно проснулся. Это были размазанные по лобовому стеклу трупы бабочек.

Минул пятый час дня. Оставили за собой Забайкальский край и въехали в Амурскую область. В глаза бросились густые мазки высоких зеленых елей. В окно сочится сладкий и дурманящий воздух еловых лесов. Въехали на спуск – открылась широкая аллея на гребне холма.

– Красиво, да? – говорит Серега.

– Да, очень, – не отрывая глаз от вида, проговорил я.

Через мгновение словно сменили декорации, мы завернули за холм, и появился перевалочный пункт. Остановились. Серега регулярно осматривал масляный шуп в двигателе. Но

в этот раз он кивнул в сторону кафе и сказал:

– Пойдем, поедим!

Покушать я был не прочь.

Внутри просторный зал с фонтаном посередине, сверху нависала цветомузыка, а под ней танцпол, справа стояли беседки с соломенными декоративными крышами и деревянными столами внутри. Красивый интерьер, совсем не похоже на придорожное кафе. За барной стойкой стоят две молодые девушки. Мы перед ними листаем меню, где всего три-четыре блюда по запредельной цене.

– А макароны есть у вас? – спрашивает Серега.

– Это банкетный зал! – говорит девушка, – столовая в левой части здания.

Теперь все ясно.

Мы прошли по коридору – представилась уже знакомая картина: ряды готовых блюд, подносы и столики, покрытые клеенкой. Перекусили, проверили уровень масла и двинулись в путь.

Большую часть дороги уже проехали. Посчитали с Серегой, что за сегодня он подвезет меня на 1100 км. Да, такое расстояние еще не удавалось проехать на одном транспорте.

Стемнело. Через пару часов сворачиваем на обочину, где припаркована спортивная Тойота. До Благовещенска оставалось километров 80. Выходим. Рядом с машиной стоит лохматый мужчина с широкой улыбкой и белыми зубами. Он распростер руки и пошел навстречу Сереге. Они горячо по-

здоровались и начали весело болтать. Я тем временем топчусь в сторонке. Незнакомец говорит, что тоже подвезет меня немного. Голосовать уже нет смысла, так что соглашаюсь. Как выйду, организую ночлег. Прощаюсь с Серегой, благодарю за путь, за еду и желаю удачи на дорогах.

Проехали мы действительно немного, километров двадцать. Высадил он меня в неудачном месте. Обочины совсем нет, а у края дороги железный отбойник. И конца этому бедствию не видать. Может, на утро прояснится, может, и не так все плохо.

Спускаюсь на поросшую травой поляну. Вокруг слышится непрерывный жабий галдеж. Кажется, у них сейчас тот самый сезон, и еще кажется, здесь кругом болото. Как бы ноги не замочить.

Прошел до деревьев, вроде сухо. Разбиваю все отсыревшую палатку под свисающими еловыми ветками. Как же мне не хочется в ней ночевать! Устал от этого кочевого ночлега. Ничего, осталось немного. Надеюсь, завтра будет последняя ночь в полях. Последняя ночь, она уже так близка. Вот оно, мгновение, ради которого я упорно шел. Ощущение, будто в дороге месяца четыре, но прошло чуть больше недели. Заваливаюсь в берлогу, кипячу чай в палатке и ложусь на боковую. На устах фраза: «Послезавтра я буду во Владивостоке... уже послезавтра...»

День 11

Я опасался крупных животных, но досаждают самые мелкие. Комары, которые пристают по большей части вечером, решили поработать сверхурочно, атаковали спозаранку. Завтрак я ел в закрытой палатке, укутавшись в мешок.

Свернул насквозь вымокшую палатку. Думал даже отжать. Может, в последний день ну ее собирать, бросить на месте и в дорогу налегке? Нет, зачем сорить на природе, тем более вещь хорошая.

Выхожу на дорогу. Вокруг серость, влага, густой туман и ни души. Конца металлическому ограждению не видно. Уходит оно далеко, и нет желания проверять насколько. Попытаю счастье здесь. Благо потока нет, может, кто и остановиться посреди проезжей части.

Так и вышло, только не помню, кто меня подобрал. Память – странная штука: логично предположить, что события более близкие к настоящему времени должны детальнее запоминаться в сравнении с поздними событиями. Но в действительности я хорошо помню первые дни и все отдаленнее припоминаю по мере продвижения. Помню, что ждал я недолго и что проехал на разных автомобилях километров пятьдесят.

Временами с неба осыпало неприятной моросью. Тем-

пература воздуха по ощущению градусов двадцать. Солнце взошло и отогревает от ночной прохлады востока, хотя и скрывается под матовой поверхности серых облаков.

Меня подобрал мужчина на легковом авто, который ехал с ночной смены. Он довез до поворота на Благовещенск. Я прошел чуть дальше, чтобы меня мог зацепить транспорт, выходящий с поворота. Выехала черная волга, водитель пристально провел взглядом. Он свернул на обочину и остановился, двигатель не заглушил. Может, это мой вариант? Дошел и заглянул в окно. Спрашиваю, не подвезет ли. Коротко подстриженный парень улыбнулся и одобрил просьбу. Сажусь.

Парень одет в черную вечернюю рубашку, рукава которой загнуты по локоть. На рукоятке переключения передач красовался бутон красной розы в стекле. Черная волга, черная рубашка, красная роза – художественно. Сзади, в проеме для ног, стояли измазанные болотные сапоги. Наверное, рыбачил.

В салоне пахнет чем-то сладким, сижу и принимаюсь. Запах такой фруктовый и такой... знакомый. Но далекий, очень далекий. Откуда он? На автомобильный освежитель воздуха не похож. И точно не парфюм. Вспомнил! Так пахнет мармелад из детства. Надо же, как он здесь оказался?

Водитель сразу предупредил, что подвезет недалеко. Проехали до следующего населенного пункта, он свернул с трассы, а я остался.

Пробирался до обочины, обходя лужи. Дождик перестал капать. Через пять минут остановился белый замызганный внедорожник. За рулем худощавый мужчина с орлиным носом, плешивым ежиком на голове и в тонких очках.

– Я в Хабаровск еду, – говорит он, – могу любезно захватить с собой.

Удача! Сегодня заберусь дальше Хабаровска, а завтра останется километров восемьсот до Владивостока.

В салоне авто не то чтобы как на улице – гораздо хуже. Под ногами утрамбованный слой песка и земли. Кажется, там скоро прорастет трава. В пепельнице под локтем волос не просунуть: с горкой навалены окурки. Верх матерчатой обшивки прокурен до дыр. Но я привередничаю.

Водителя зовут Андрей. Он – военный, служит по контракту. Регулярно участвует в боевых действиях, рассказал, в какие мясорубки попадал. Почти все время едем молча. Андрей не разговорчивый, да и я тоже. Музыка не работает. Иногда Андрей включает радио, которое хрипит немного и замолкнет.

– Когда Биробиджан будем проезжать, тогда может чего и поймаем, – говорит он.

– А почему Еврейская автономная республика так называется? – спросил я.

Он опустил уголки губ и ответил:

– Не знаю. Может, во время войны туда евреев отправили, чтобы отдалить от холокоста.

Как раз въезжаем в эту республику.

Проехали несколько запущенных поселений: участки поросли бурьяном, дома покосившиеся, линии электропередач оборваны. Подъехали к административному центру, Биробиджану. Зацепим часть города. Четырехполосная трасса сузилась в городскую дорогу. Навстречу попеременно выезжают автомобили советских времен, встречаются и мотоциклы той эпохи. Мелькают заброшенные коммерческие здания. Проезжаем магазин с баннером: «Продается». Второй с таким же объявлением, третий...

– Какая-то сплошная разруха тут, – говорю я.

Андрей мельком взглянул на меня, усмехнулся и сказал:

– Это еще немного, здесь есть места и похуже.

Конечно, это поверхностный взгляд, но боюсь все намного плачевней.

Спустя час на холмистом горизонте показался город. Въехали на длинный и широкий мост через реку.

– У этого моста свое стратегическое назначение, – говорит Андрей, – это резервная взлетная полоса.

Вдали виднеются отвесные скалы у берега, на вершине которых выстроена композиция частных домов. Видимо, местных богачей. Андрей указывает на блестящий позолоченный купол среди городских крыш.

– Мы будем проезжать этот собор, – говорит он, – подивись вблизи, какой он красивый.

Машин на дорогах немного. Перед тем как доехать до обе-

щанного собора, мы навертели столько круголей, что я уже не хотел ни на что дивиться. Поколесили еще минут тридцать по городу, проехали хваленый собор, на который я только мельком взглянул и то с одного боку. Подъехали к противоположному выезду из города, как раз который нужен.

– Все, здесь мы прощаемся, – говорит Андрей, – мне вон туда, а тебе дальше по трассе. Если голодный, вон кафе. Давай, всего тебе!

Взаимно прощаюсь и отхожу в сторону, чтобы достать орехи. Да, когда-то и я подвозил попутчиков и тоже высаживал возле закусочных с этими словами. Только теперь понимаю их абсурдность. Человек путешествует на попутках, откуда у него деньги на кафе?

Оглядываюсь, я хоть и на окраине, но все-таки в городе. Подберут меня здесь или нет, не знаю. Время четыре часа дня. Кругом человеческая суета: у кафе толпится народ, через дорогу автосервис, где шастают слесари.

Я уж отвык от людей. В города я не заезжаю, а в дороге компанию скрашивают один-два человека. Как же себя чувствует отшельник по возвращении в общество?

Останавливается маленькая Хонда, за рулем пожилой мужчина. Сажусь.

– Километров сто тебя проведу, – говорит он.

На голове у него мятая кепка, из-под которой торчат серебристые волосы. Кожа на его лице испещрена морщинами.

– Я домой от детей еду, – говорит он, – сам тут лет десять

живу, а до этого жил в средней полосе. Я в молодости часто в горы ходил вместе с друзьями. Раньше думал, и здесь буду ходить, но лень так одолевает.

Перед нами плетется КамАЗ. Старик резко вывернул руль, перестроился на встречную полосу и дал газу, при этом громко матерясь. Есть еще порох в пороховницах!

Деревенька, в которую он свернул, оставив меня на обочине, называется «Хор». Не думаю искать место для ночлега, дорога увлекла, поэтому буду стоять до последнего луча солнца.

А солнце уже движется к краю земли, разбавляя окружение лимонно-апельсиновым цветом. Спустя минут пятнадцать меня подбирает маленький грузовичок с открытым кузовом. Внутри худой водитель и полная женщина с платком на голове. Говорю, что еду во Владивосток.

– А, на море? Это хорошо, – отвечает водитель.

– Так-то не ставил себе цели побывать на море, – говорю я, – но если получится, то съезжу.

– Нет, на море обязательно побывай, покупайся!

В салоне стоит запах сеновала, а женщина напоминает доярку. Мы будто едем по колхозу.

Через четверть часа наши пути разошлись. Они свернули в поселок и пожелали удачи. А я остался среди широкой дороги, парковки с придорожными лавками и с надеждой, что сегодня проеду еще километров сто-двести.

Прошло минут сорок. Стою. Дальнобойщики вырулива-

ют с обочины и лишь иронизируют взглядом, оставляя меня позади. На встречной полосе проехала тюнингованная Скайлайн с низким звучанием прямотока. Минут через десять она же ехала обратно. Ну-ка, попробую! Останавливается, из окна выглядывает напомаженный подросток.

– Куда тебе? – спрашивает он.

– В сторону Владивостока подбросите?

Мотает головой.

– Чего? – говорю я.

– Да мне тут недалеко.

Уехал. И чего ради останавливался? Разве что похвастаться.

Прошел час. Тоска. Ни красивых деревьев, ни захватывающих видов на холмы, только цивилизационная степь. О, удача! Останавливается грузовик. За рулем коренастый мужчина лет пятидесяти с весьма неприветливым лицом. Ни слова не сказав, тронулся дальше вместе со мной.

– Куда держите путь? – спрашиваю я.

– Довезу тебя до Бикина.

Открываю атлас и ищу. Прилично, выйду на границе Хабаровской области и Приморского края. Водитель угрюмо смотрит на дорогу. Ну если человек не расположен к общению, не стоит утомлять болтовней.

Проезжаем поселок «Лермантовка», вспомнился герой нашего времени. Кстати, с собой я взял рассказы Чехова на случай, если придется коротать время вне автостопа, напри-

мер, по транссибирской магистрали. Я все лелею надежду, что обратно поеду на поезде, хотя родные писали, что нормальных билетов уже нет. Приеду, а там будет видно. Я ставлю на удачу, отдаю судьбе право решать за меня.

Сворачиваем с дороги в сторону населенного пункта.

– Вы сейчас меня высадите? – напряженно сказал я, ведь вроде не доехали до обещанного пункта. Завезет меня еще куда.

– На заправку заедем и вернемся на трассу. Если она еще работает.

Действительно, в кармане дороги появилась заправочная станция. И довольно запущенная: две ржавые колонки, разбитый асфальт, а пункт оплаты – контейнер с решетчатым окошком. Может, здесь выгодная цена? Подхожу к табло с расценками: литр девяносто второго – 42 рубля с копейками...

Мы проехали еще час и были на месте. Вышел в начале крутого спуска, пришлось идти вниз. Дальше дорога уходила в резкий поворот. Рядом красовался отвесный холм, обнажая земляные породы, на его верхушке шапкой поросли густые ели. Слева виднелась заправка, хорошо бы купить там воды. Солнце почти зашло. Для ночлега место здесь подходящее.

Транспорта нет ни с одной стороны, ни с другой. Едет голубая фура, всматриваюсь – пассажирское место занято. Пускай проезжает, скорость у него приличная, а тормозить

здесь опасно.

На мгновение мое одиночество скрасил солдатик срочной службы. Он поднялся со стороны заправки, с опущенным лицом прошел мимо и скрылся в ущелье. Верно, там военная часть.

Минул час. Проезжает микроавтобус и резко тормозит возле меня. О, как хорошо! В салоне сидели девушка и мужчина с пестрой засаленной тубетейкой. Последний горячо расспрашивал о моем путешествии, а в конце поник и заключил:

– Всю жизнь мечтал отправиться в путешествие.

– А вы куда едете? – спросил я.

– Да тут недалеко на озеро, – говорит девушка, – уже почти приехали.

Через пять минут меня высадили. Может, даже и не стоило садиться.

– Там если пройдешь, то будет кафе, – говорит девушка, – и гостиница, и парковка. Там будет лучше.

Не распложен я куда-то идти. Место хорошее, чтобы ловить попутку, но крайне неудачное для ночлега. Справа высокая трава, слева болотистое поле. Уеду ли я сегодня отсюда? Вряд ли. Через дорогу в ста метрах небольшой участок со скошенной травой. Попробую расположиться там. Время начало десятого, в 22:00 пойду укладываться.

21:54 – надеваю рюкзак и выдвигаюсь. Хватит на сегодня.

Вдали послышался звук мотора, смотрю на часы – 21:58.

Осталось две минуты, так что попробую. Подъезжает белая легковушка, поднимаю руку... остановилась. Слава богу, я не буду здесь ночевать.

– В сторону Владивостока подвезете? – говорю я.

Водитель открыл дверь, недовольно поморщился и сквозь зубы проговорил:

– Ну я до Владивостока не доеду.

– Да меня хотя бы чуть-чуть, – сказал я.

Не хотелось напрашиваться, но оставаться здесь я еще меньше хотел.

Он кивнул на заднее сидение. Я радостно закинул рюкзак и пролез. Место завалено вещами, видимо, тоже едут далеко.

Рядом с водителем сидит женщина. Здравуюсь, отвечают тем же. Разговорились. Женщина рассказывает, что сами любили выезжать на природу с палатками и закусанными сидеть ночью у костра. А с возрастом хочется комфорта.

– Мы до Владивостока километров сто не доедем, – говорит женщина, – там деревенька наша. Но сейчас все равно где-нибудь остановимся на ночь. В каком-нибудь отеле.

А я буду действовать по обстановке. Вообще, импровизация – 80% всего путешествия, если не все 100.

Ребята развязно общаются со мной, хотя возрастом я похожу на их детей. Я замечал, что иногда люди принимают меня за своего ребенка. Образно говоря. Они сопереживают мне, пропитываются симпатией. Конечно, я ненавязчиво этим пользуюсь. Может, когда они найдут место для ночлега

– предложат остаться с ними. Но напрашиваться не буду.

Минут через двадцать проехали то место, на которое указала девушка с парнем в тубетейке. И сколько бы я добирался до него на своих двоих?

Вокруг сплошная темень. Дорожного освещения нет, едем в полном мраке. Впереди ведутся дорожные работы, но мы движемся быстро.

Внезапно машину тряхнуло, снаружи послышался грохот и удар в колесо. Угодили в яму, авто начало заносить, а сбоку что-то скрежетало. Свернули на обочину и включили аварийку. Выходим. Штампованный диск на левом заднем колесе смялся в половину. Водитель начал вытаскивать запаску. Женщина прогуливалась вдоль обочины.

– Смотри, какие там светлячки! – говорит она мне, – я сначала думаю, что это такое? А потом присмотрелась, светляки то зажигаются, то угасают.

Я приблизился. Действительно, светлячки сидят на листьях, медленно загораются и затухают, словно елочная гирлянда.

Поменяли колесо и двинулись дальше. Едем молча, они утомились за день, да и я тоже. Слева загорелись фонари автостоянки, заворачиваем. Среди тьмы красуется двухэтажное здание с подсвеченной вывеской: «Отель. Кафе».

Выходим. Я достаю рюкзак и делаю вид, что собираюсь уходить, но сам жду. Водитель спросил, как меня зовут. Я представился, он крепко пожал мне руку и что-то пробормо-

тал сквозь смех.

– Ладно, – говорю я, – спасибо, что подвезли. Пойду я.

– А куда ты сейчас? – спрашивает женщина.

– Да искать место для палатки. Сегодня меня уж никто не подберет.

Я медленно побрел в сторону дороги под горящие фары авто.

Вышел на трассу. На голове болтается фонарик, свет от которого лучится под ноги. Вот что за люди? Отпустили на произвол судьбы. Конечно, они нисколько не обязаны платить за меня в ночлежке. Но могли бы! Точно знаю. И вот куда я теперь в этой кромешной тьме выйду? Ничего не вижу. Хоть бы съезд с дороги попался!

Иду так минут двадцать. Ничего привлекательно для остановки не вижу. Если впереди ничего не найду – придется ночевать в кустах у дороги.

Ура, съезд! Выхожу на ровное поле. Далеко уходить не буду, примощусь где-нибудь здесь. Достаю мокрую палатку и отсыревший спальник, успокаиваю себя: «Это последняя ночь в палатке... последняя ночь...» Завариваю чай и доедаю остатки сухарей, которыми меня любезно угостили.

День 12

Как всегда, просыпаюсь опухший. Разглядываю поле: с одной стороны полностью распаханно, с другой – засеяно картошкой. Сворачиваю палатку и предвкушаю, как лягу сегодня спать в кровать. Если повезет, то в плацкарте вагона, если нет, то в хостеле.

Туман овеял кругозор, вдыхаю воздух с крупинками влаги. На дороге как обычно в это время никого. Хотя вон едет легковушка. Поднимаю руку – останавливается.

Открываю заднюю дверь, чтобы забросить мешок, и застаю там девушку лет семнадцати, которую сначала даже не заметил. Кладу рюкзак рядом с ней, а сам сажусь вперед. Водитель рассказывает, что они едут с несостоявшейся рыбалки.

– Всю неделю лил дождь, – говорит он, – дорогу напрочь размыло. Можно было бы попытаться проехать, но рисковать не хотелось. Пришлось возвращаться.

Проехали минут десять в разговорах и разошлись. Все бы ничего, да место неудачное для остановки. Обочина меньше метра, а вдоль нее железный отбойник. Окончания бедственного участка не видно. Попробую, может, кто и остановится.

Поток машин увеличился: время почти девять утра, все едут на работу. Стою, украдкой тяну руку. Машины проез-

жают очень близко, как бы не зацепили, а то вместо Владивостока загремлю в местную больницу.

Некоторые из водителей пожимают плечами и тыкают на обочину. Знаю, что нормально здесь не остановиться. Но что делать, не хочу я идти. Оглядываюсь, неподалеку стоит машина на аварийных сигналах, загородив половину полосы. Подбегаю. Мужчина с длинными волнистыми волосами поверх моих слов проорал: «Садись!»

Вот не зря я убежден, что если человек действительно хочет подобрать попутчика, он остановится несмотря ни на какие дорожные преграды. По салону разбросаны какие-то тряпки. Водитель выглядит расслабленным, а лицо все полыхает. Рассказывает:

– Люблю перед работой съездить на озеро и искупаться, освежиться в прохладной воде. А как наступают выходные, забурюсь в палатке на три дня, с вечера пятницы и до утра понедельника. Я тебя недалеко подвезу, но там место получше. А здесь ты прям на дороге торчал.

На Т-образном перекрестке мы распрощались. Я перешел дорогу и встал голосовать под знаком: «Опасный участок дороги». Как-то символично.

Почти сразу остановилась праворульная легковушка. Типичное расположение руля для местных. Дешевле купить авто из Японии, чем из европейской части России. Водитель – смуглый аккуратно подстриженный и выбритый парень. Его отутюженная и выстиранная рубашка контрастировала с

заляпанными и протертыми сидениями. Под ногами лопата песка, лобовое стекло все в трещинах. Обычно когда я кладу рюкзак в салон – немного переживаю, как бы не испачкать чего. Сейчас же я беспокоился, как бы не испачкаться самому. Все же я преувеличиваю.

Въехали на протяжный участок недоремонтированной дороги.

– Недавно были очередные выборы местного правления, – говорит водитель, – и каждый раз обещают отремонтировать эту дорогу. Каждый раз деньги, выделяемые именно на это, бесследно пропадают в кармане мэра.

Видно, что производили реконструкцию дороги: сняли старый асфальт, расширили полосы, но на этом все и закончилось. Никакого покрытия нет, одни ухабы, местами засыпанные щебенкой. Вдоль дороги вкопаны неподключенные фонарные столбы.

Водитель рассказывает о Сергее Кудиярове из Нерюнга, которой пешком шел до Владивостока. По пути я неоднократно слышал об этой личности, но ничего определенного.

– Он еще не дошел до города, а о нем уже по новостям трубили, – говорит водитель, – хотя сам не хотел привлекать публику. Уже в Приморском крае его провожали из одного поселения и ждали в другом. Он на подходе к Сальскому был, а Сальское вообще такая деревня, вечно там что-то случается. В общем, он уже должен был дойти до Дальнореченска, его там с транспарантами караулят. А Сережи нет и нет.

С Дальнереченска уже начали наговаривать на Сальское, что все было хорошо, пока до вас не дошел, Сережу потеряли. Позже выяснилось, что он не на ту дорогу свернул. У него уже психоз начался: это ведь каждый человек подойдет да спросит, а чего это ты идешь? А почему пешком? А почему во Владивосток? А почему... Вот у него уже нервы сдавали.

Да уж, благо меня никто так не донимает.

– А как ты обратно поедешь? – спрашивает он.

– Хотел бы на поезде.

Он мотает головой и говорит:

– Выгодней на самолете: билеты в цене такие же, как и в РЖД, а бывают и дешевле. На железке будешь ехать неделю, на еду еще тысяч пять потратишь, а лететь всего день и то там покормят.

Конечно, преимущество на лицо, но все же я хочу на поезде. Это в своем роде продолжение путешествия. Я давно не ощущал покачивание по рельсам. Пускай самолет будет планом Б.

Ехал я с ним прилично. До главного города осталось рукой подать. Напоследок водитель сказал:

– Тебе главное до Черниговки дотянуть, а оттуда уже ходят рейсовые недорогие автобусы. Если никто не остановится, можешь на него запрыгнуть и до самого Владивостока доехать.

Вдали виднелся заброшенный пост ГАИ, заставленный фурами. Перевалочная база, видимо. Дошел до поста. Води-

тели вяло переговаривались друг с другом, пили кофе, отходили ото сна. Может, кто и подберет из них.

Иду в конец дороги, чтобы каждый водитель меня увидел. Пока шел, заметил много транспорта, который оставлял меня позади. Теперь они либо вторично проедут мимо, либо подберут.

Минут тридцать гипнотизирую горизонт дороги. За это время выехал только один дальнобойщик, и проехала легковушка, все. С конца стоянки выглянул худощавый мужчина. Он крикнул сильным голосом: «Иди сюда!» – махнул рукой и скрылся за грузовиком. Не похоже, что он хочет меня подвезти, хотя для чего еще меня могут позвать? Сначала просто подойду, не буду тащить рюкзак, а то придется волочить обратно. Он снова выглянул и добавил: «Да с сумкой иди!» – очертил руками прямоугольник и скрылся.

Хватаю рюкзак и чуть не вприпрыжку бегу к нему. Это голубой Фредлайнер, американский тягач. Вчера он проезжал мимо.

– Куда тебе? – просипел водитель.

– На Владивосток.

– Я тебя за Уссурийском высажу.

Мне это вполне подходит, там я смогу сесть на автобус.

Залезаю в кабину, а там женщина. Она улыбнулась и перебралась на спальное место. Здравуюсь. Водитель осмотрел машину, завел – тронулись.

– Все хотел прокатиться на американце, – говорю я, – вот,

желание осуществилось.

Водитель усмехнулся и говорит:

– Да, на европейце совсем по-другому. Эта машинка хоть и старенькая, но еще бегаёт!

Правая рука водителя свободно лежала на рычаге коробки передач. Пальцы этой руки попеременно передвигались, словно перекатывали невидимую монету. Где-то я уже видел это. Точно! Этим жестом щеголял Григорий, который довез меня до Челябинска. Интересно, как у него дела? Добрался ли он домой и починил ли свою газельку?

Водитель переговаривался с супругой по житейским делам, а я любовался видами из окна.

– Мы скоро заедем на остановку, – говорит водитель, – в душ сходить и перекусить. Мы недолго, на полчаса, так что можешь подождать, и тогда мы тебя до самого Владивостока довезем.

Мне торопиться незачем, сегодня я точно доберусь до города. Соглашаюсь.

Заезжаем на парковку, водитель говорит:

– Вот там на улице беседки стоят, можешь там подождать.

– Может, дадим ему наших бутербродов с колбасой, а? – говорит женщина, – пускай покушает.

– Спасибо, только я не ем мясо, – как-то оправдываясь сказал я.

Она улыбается и говорит:

– Вот чего выдумал. У нас сыр еще есть, сыр-то будешь

плавленный?

– Сыр буду.

Женщина достала из пакета ломтики нарезанного хлеба и пластиковый контейнер плавленого сыра с грибами. Отдает все это мне. Я благодарю. Водитель протянул шоколадный батончик.

Вот и сладкого перепало.

Я вышел и направился в крайнюю беседку. Они все свободны, но я решил сесть подальше от входа. Вдруг еще заругаются, мол, со своим. Ребята еще копались в салоне, разбирали вещи, я уже давился бутербродами всухомятку.

Они вышли и направилась в отель, водитель крикнул:

– Сейчас тебе чаю принесут!

Я кивнул. Чай – это хорошо. Его мне сейчас очень не хватало.

Съел два толсто намазанных сыром ломтя. Захотелось пить. Чай так и не принесли. Может, забыли? Надо спросить.

Захожу в кафе. За барной стойкой никого. Заглядываю в дверной проем, откуда слышалось женское щебетание. Меня заметила работница в фартуке, которая сидела на табуретке и чистила картошку в ведро. Она отвернулась и сказала:

– Леночка, выйди, там стоят.

Леночка была пухлая в черном облегающем платье. Она остановила на мне полный безразличия взгляд.

– Там мужчина чай заказал, – залепетал я и указал куда-то в сторону.

Леночка молча достала стакан с пакетиком, залила кипятком и поставила на стойку.

Я поблагодарил и ушел доедать угощение.

Желудок набился до отказа. Осталось только спокойно доехать. Из отеля выходит супруга водителя, говорит, что сейчас быстро покушают и поедем.

Пока они сидели в кафе, я шатался по парковке. Надоело сидеть, хорошо и ноги размять. Минут через десять мы загрузились и двинулись в путь.

– Мы сами живем в Артеме, – говорит водитель, – мы его в стороне оставим, проедем чуть дальше.

Он пошарил ногами по коврику и говорит:

– А где мои тапки?

Супруга приподнялась со спального места.

– А ты их в отеле не оставил? – говорит она.

Водитель наморщился, вспоминая.

– Да я же их сбоку на машину поставил! – сказал он и пристально всмотрелся в зеркало заднего вида, – вот же черт, нету их уже там! Улетели тапки мои походу, – он иронично посмеялся.

Впереди поворот на Артем. Медленно уходим в его сторону и резко выворачиваем обратно в полосу.

– Чего это я? – говорит водитель, – мы же дальше едем. Чуть домой не поехал!

Супруга захохотала.

Водитель договорился по телефону с кем-то о встрече.

Минут через пятнадцать останавливаемся на обочине. Выхожу со всеми. Молодой парень перебегает через дорогу и идет к нам.

Они поговорили об общих знакомых. Обсудили их недавние посиделки. Я же стоял в стороне и грел уши.

– Ну я уехал, оставил их с канистрой, – говорит молодой парень, – а возвращаюсь, так они уже все выжрали!

– Вдвоем?! – надрывно просипел водитель.

– Да нет, – замахал руками парень, – к ним там еще человек пять подошли.

Меня подвезли еще минут двадцать и с яркими пожеланиями оставили на автобусной остановке.

Я огляделся. Место действия: автострада. Здесь никто не остановится. Подхожу к женщине и спрашиваю, какой автобус довезет до Владивостока и желательно на вокзал.

– Здесь ходят большие рейсовые автобусы, – говорит она, – на них написано место, куда они едут. Так что смотри туда. Они часто ходят.

Минут через пять эта женщина показывает пальцем вдаль и говорит:

– Вон едет один. Смотри, что написано.

Я подхожу к краю остановки и вытягиваю руку.

Автобус остановился.

– Не, этот не идет до вокзала, – говорит женщина, – но в сам город завезет.

Я решил дожидаться другого. Следом подъехала маршрут-

ка. В списке остановок на боковом стекле значился вокзал. Передо мной зашла женщина. Она ушла вглубь салона, не заплатив. Я встал истуканом с вопросом в голове: почему она не заплатила? Может, оплата в конце поездки? Нет, это как-то не по-российски. Хотя черт его знает, как тут на востоке принято. Мы уже тронулись, а я все стоял и не мог решить, дать денег за проезд или спокойно сесть. Водитель покосился на меня через зеркало. Не зная, что делать, я спросил: «А вокзал – это конечная?»

Усатый водитель кивнул. Я все-таки протянул деньги. Водитель невозмутимо взял их, сразу полегчало на душе. Я уселся и неудобно запихнул в проем для ног рюкзак. Пассажиры наверняка поняли, что я далеко не местный.

Мы въехали в окрестности города. Внезапно я ощутил до боли знакомый запах морской влаги. Я разглядел знакомый пейзаж разбросанных домиков по холмам. Глаза впивались в окружение, а сердце трепетало. Отчего? Оттого, что все это напоминало мой родной край, Мурманск. Только въехал, а уже нашел частичку себя в этом городе.

Мы рассекали по центральной улице вдоль трамвайных путей, временами сворачивали в узкие переулки и вновь возвращались в гущу движения. В центре города тянулись архитектурные ансамбли. После получасовой поездки лучи солнца, проникающие сквозь облака, сменились туманом и мелкой моросью.

Я вышел у железнодорожного вокзала рядом с морским

портом. Первым делом иду справиться о билетах. Вхожу в просторный вестибюль с купольным потолком. Рюкзак кладу на конвейерный досмотр. Прохожу вглубь здания, спускаюсь по каменной лестнице с деревянными поручнями. С легкой тревогой подхожу к кассе. Передо мной парень спрашивает билеты, кажется, на Москву. Отвечают, что билетов нет. Самое ближайшее число – 4 июля. Сегодня 27 июня. Надеюсь, мне послышалось. Парень разочарованно отошел. Я наклонился к окошечку и спросил ближайший поезд на Москву. Женщина в фирменном галстуке и жилетке отвечает:

– На Москву отправляются только по четным числам. На завтра осталось только купейные места.

– А сколько стоит?

– 22 540 рублей – верхняя полка.

– А есть что-нибудь дешевле?

– Есть за 12 800 на 4 июля. Раньше никак.

Вот так вот. Я отошел от кассы и сел на железную скамью в зале ожидания.

В пути я неоднократно размышлял, может, попробовать договориться с проводниками и доехать до Москвы подешевле, без билета. Я обсуждал это с водителями и от одних я выслушивал резкие сомнения, мол, сейчас постоянные проверки и вряд ли кто будет прятать даже за деньги. А другие просто отмалчивались. Билетов нет, и никто меня не пустит за копейки.

Достал телефон и позвонил родителям. Рассказал в двух

словах положение и попросил глянуть варианты, как выбраться отсюда. Они не дома, приедут и посмотрят.

Теперь времени у меня много, торопиться некуда. Поднимаюсь наверх и прохожу в кафе. Поем и куплю себе обещанную шоколадку. Две. Скидываю рюкзак у столика в углу. Для меня тут выбор небольшой. Заказываю винегрет, два блина с творогом, сникерс и заварной кофе.

Покончив с салатом и блинами, я развернул аппетитно шелестящую обертку шоколадного батончика и медленно откусил кусочек. Молочная глазурь таяла во рту, а нуга с карамелью приторно обжигали. Я все съел и не получил сверхъестественного удовольствия, хотя и отказывал себе в таких лакомствах прилично. Времени прошло мало – иду и покупаю еще батончик и кофе.

Надо скоротать время, выйду прогуляться.

Морось на улице усилилась. Через дорогу высился памятник Ильичу, иду туда. На встречу попадается много туристов с характерной азиатской внешностью. Китайцы оживленно галдят, без конца фоткаются и надрывно хохочут. Японцы сдержанно осматриваются и шепчутся между собой. Не то чтобы я чернил Китайцев в сравнении с Японцами, лишь описываю культурный контраст. Спросите, как я отличаю Китайцев от Японцев? Я смотрел аниме с субтитрами.

Я немного вымок и побрел обратно. Решил пройти в порт, взглянуть на море. У причала стоял теплоход, а за ним панорама густого серого тумана. Когда возвращался, наткнулся

на рекламный баннер: «Хостел. Номера от 500 рублей. 300 метров от вокзала». Возьму на заметку. Наверняка придется ночевать, вечерний рейс на самолет я, скорее всего, пропустил.

Сел читать Чехова. На пятнадцатом рассказе зазвонил телефон. Звонил отец. Сошлись на том, что самый оптимальный вариант – это самолет. На билет денег у меня не хватало, так что родители выручили.

Где-то через полчаса пришла СМС о покупке билета на рейс Владивосток – Москва и Москва – Санкт-Петербург. Вылет завтра утром. Обошлось это удовольствие в 22 400 рублей. Я долго возмущался про себя, что в день поездки билеты продают втридорога. Почему?! Я спрашивал себя, почему? Ведь остатки билетов необходимо сбывать как можно скорее и, следовательно, продавать со скидкой. Хотя справедливее отдать скидку тому, кто заранее бронирует место. Но тогда я не хотел об этом думать, я хотел злиться на Аэрофлот.

До аэропорта добраться можно двумя способами. Первый – на маршрутке с автобусной остановки. Второй – экспресс-электричка, которая идет минут сорок напрямиком в аэропорт. Я выбрал электричку, она надежнее, хоть и дороже. Переписал расписание, взглянул еще раз на рекламу хостела со схемой маршрута и пошел искать. Вроде ничего особенного: прямо через дорогу, направо до площади и там недалеко.

Поднимаюсь в крутую горку. Прохожу мимо ресторанов, салонов красоты, магазинов одежды и у всех на вывесках рядом с русским языком красуются иероглифы.

Прошел метров пятьсот, а поворота все нет. Может, я его пропустил? Я так-то рассчитывал скорее добраться до убежища, кинуть вещи и погулять по городу. Впереди высится многоэтажный отель «Азимут». Дорога уходит направо без всякого поворота, я заплутал. Подошел к краю крутого спуска, вижу только туман. Он настолько густой, что буквально через пять метров ничего не разглядеть. Какой бы вид открылся отсюда, увы, туман.

Иду обратно, выхожу почти к самому вокзалу. Смотрю название улицы поперек основной дороги – это та самая, на которой я должен был свернуть. Свернул. Дохожу до перекрестка, справа красуется площадь с ансамблем памятников войны, окрашенных в изумрудный цвет. По сторонам площади расставлены белые деревянные скамейки, на которых рассиживается молодняк. Хорошо бы там погулять, но сейчас невыносимо давит рюкзак.

Оставляю площадь позади, иду вдоль дороги. Встречаю уже второй театр и третий книжный дом, словно в Петербурге гуляю. На автобусных остановках много агитационной рекламы: популяризуют чтение местных газет.

Здания начинают редеть, поток людей уменьшается: я все дальше ухожу от центра вглубь спальных районов. Неужели снова пропустил? Разворачиваюсь. Вернулся до площади.

Ничего похожего на хостел не заметил. Пару раз заходил во дворы, искал там, но все тщетно.

Я так вымотался, что был близок к отчаянию и решению вернуться на вокзал. Там в списке услуг я видел: «Предоставление места на ночлег от 900 рублей за сутки». Конечно, мне бы хотелось сэкономить эти четыреста рублей, но я был готов сдать.

Я скинул рюкзак и передохнул минут пятнадцать, глубоко вдыхая воздух. Плечи расслабились, голова перестала болеть. Неподалеку стоит парень, копается в телефоне. Подхожу и спрашиваю:

– Слушай дружище, сможешь мне? Я тут не могу найти это... как его... – и тут я понял, что из головы вылетело нужное слово, – бюджетная маленькая гостиница, как же она, мотель? Нет, не мотель, но наподобие этого, – я перебирал в голове названия, но вспомнил только, что это слово похоже на слово хоспис.

– А какой хоть адрес? – спрашивает он.

– Да вот не знаю, какой адрес. Но он находится на этой улице, это точно, – надо было записать или запомнить номер дома!

Он поискал в телефоне по тегам на карте места для ночлега. Нашел два места, только вот в одной цены от 2 500 рублей за ночь, в другой от 1 000.

– Нет, что-то не то, – говорю я, – в моей пятьсот рублей за ночь.

– А как хоть называется эта гостиница, знаешь?

Вот же черт, я даже название не посмотрел!

– Нет, не знаю. Хотя как называется та, что по тысячи берут? Владивосток? Похоже, это она. Как добраться до нее?

– А это здесь недалеко, – он показал на поворот в противоположную сторону перекрестка, где я свернул. Надо было свернуть налево, а не направо.

– Слово, которое ты забыл, это – хостел, – говорит парень.

– Точно!

– Ты больше не забывай таких слов, когда едешь в другой город.

Я поблагодарил.

– Удачи, Бог в помощь! – сказал он.

Я перешел дорогу по подземному переходу и начал внимательно озираться, всматриваясь во все вывески. Слева старое здание, вход в которое напоминал спуск в подвал. Рядом с дверью табличка: «Агентство по развитию туризма». На хостел не похоже, пройду дальше. Но дальше среди жилых зданий и магазинов я не нашел ничего похоже на то, что мне надо. Что за напасть, не могу найти хостел в пределах ста метров!

Иду обратно. Если до перекрестка не найду, поплетусь на вокзал. Зато оттуда недалеко идти на электричку, совсем не придется идти... В том месте, где подвальный вход в агентство, стоят два молодых азиата. Они пристально взглянули на мой рюкзак за спиной. Когда я проходил мимо, один спро-

сил меня:

– Do you looking for hotel?¹

Я остановился и молча переводил дыхание. Эта парочка не похожа на обычных туристов. Слишком просто одеты, что ли. У одного на глазах толстые круглые линзы в тонкой металлической оправе.

– Yes, I do, – ответил я, – do you know some hostel near from this place? I can't find it!²

Они указали на подвальную дверь и сказали, что сами расположились там.

Как-то странно. Я спросил про цену. Тот, что в очках, достал телефон и начал искать то ли стоимость, то ли переводчик, то ли конвертер валюты. Через минуту он сказал:

– One thousand ruble per person per night.³

На что я пожал плечами и ответил:

– It's too expensive for me.⁴

Я стоял и мялся. К азиатам подошел взлохмаченный и нетрезвый мужчина и повелительно показал жест подкурить. Тот, что без очков, достал зажигалку и протянул. Огонь зажегся – кончик сигареты затлел красным цветом. Мужчина вернул зажигалку и двинулся дальше. Следом к ним подо-

1 Вы ищите отель?

2 Да, ищу. Вы не знаете какой-нибудь хостел поблизости?

Я не могу найти.

3 Тысяча рублей за ночь.

4 Это слишком дорого.

шла девушка и стрельнула сигарету. Они равнодушно угостили ее. Девушка взяла две. Вот она, наглость русского народа. Не трудно составить картину отношения местных к приезжим из-за рубежа. Но я обобщаю.

Может, ребята укажут на то место, которое я ищу?

– Do you know a hostel, it names Vladivostok?⁵ – спрашиваю я.

Они восторженно показывают на подвальную дверь.

Вот же блин... я вокруг него хожу и не могу найти. Почему тогда цена такая высокая? Может, у них номер не самый дешевый? А если там остались только такие? Ладно, я устал. Идти на вокзал нет ни сил, ни желания.

– Ok, I'll go,⁶ – говорю я.

Не знаю почему, но они обрадовались. Зашли внутрь, поднимаемся на пятый этаж. Пока мы медленно пересекали лестничные пролеты, я спросил:

– Where are you from?⁷

Они отвечают, что с Кореи. Тут я как бы в шутку переспросил, не с северной ли они Кореи? Они только переглянулись и не ответили. Спустя время я осознал всю бестактность вопроса. Наверняка это большая тема для корейцев, ведь раскол страны связан с гражданской войной. Как бы я отреагировал, если бы какой-нибудь иностранец шутил по

5 Вы знаете хостел, который называется «Владивосток»?

6 Хорошо, я пойду.

7 Откуда вы?

поводу отечественной войны?

Внутри темной прихожей Корейцы разулись и прошли вглубь зала, где виднелось собрание людей за столом. Сквозь коридор я крикнул, что интересуюсь номером, и начал стаскивать кеды. Ко мне подошел аккуратно подстриженный парень, поздоровался и представился Денисом.

– Есть номера? – спрашиваю я.

– Да, есть свободные.

В приглушенно освещенном зале стоял круглый стол, за которым сидело двое парней и девушка. Последняя назидательно объясняла что-то об искусстве. Денис входит в комнату с двумя кроватями и говорит, что номер стоит девятьсот рублей.

– Я на рекламе у вокзала видел, что есть номера за 500 рублей, – говорю я.

– Пятьсот рублей только в низкий сезон, а сейчас высокий.

Мне не понравилось это объяснение, ведь в рекламе об этом не сказано. Ведь я тащился сюда только из-за привлекательной цены.

– Сейчас позвоню хозяину и уточню по стоимости номера, – говорит Денис.

– Да, хорошо бы получить скидочку.

Он вытаращился на меня и сказал:

– Да нет, номер как раз может стоить еще дороже.

Эти слова так разозлили, что хотелось развернуться и уй-

ти. В итоге мы сошлись на тысяче. Я бросил вещи и пошел в ванную. Неделю мечтаю принять душ.

Я освежился и улегся в зале на диванчике. Рассеяно гляжу на собрание за столом. Как оказалось, девушка – профессиональная актриса. Она проводит мастер-класс по выразительному чтению.

Скучно. Я начал шататься по углам и рассматривать интерьер хостела. Всюду полки с книгами. Одни старые в толстых переплетах даже с дореволюционной орфографией, другие современные в мягкой обложке. Над столом висела конструкция из тонких металлических прутьев похожая на одуванчик, на концах которых висели отзывы и фотографии гостей.

Я договорился с Денисом сходить в магазин и сбербанк, нужно снять наличность. Ближе к девяти вечера мы вышли. На улице окончательно стемнело. Мы шли сквозь сырую прохладу портового города. Огни будничной иллюминации озаряли архитектурную роскошь домов и освещали нам путь.

Мы проводили до остановки мадам и посадили её на автобус. Денис повел меня в местный супермаркет. На прилавках много еды из Китая и других южно-восточных стран. Были даже яблоки из Новой Зеландии.

По дороге обратно я расспрашивал Дениса о его жизни. Сам он родом из Петербурга, а здесь служит. Он военный.
– Ты не очень-то похож на военного, да? – говорю я.

– Мне часто так говорят.

Моим знакомым близняшкам часто задают очевидные вопросы, и они заранее готовят остроумные ответы. Когда их спрашивают: «А вы сестры?» – они отвечают: «Нет, мы братья!» Или на вопрос: «А вы двойняшки?» – отвечают: «Нет, тройняшки!» – и придумывают еще одну сестру и даже заочно знакомят её с собеседником.

Сейчас Денис переживает трудный период в личной жизни. Он расстался с девушкой после шести лет отношений. Он не рассказал подробности, а я не расспрашивал. Недавно он вступил в молодежную политическую партию и занял там пост лидера. Поэтому и участвовал в актерском мастер-классе.

Я побыл немного в компании Дениса и его знакомого. Имя знакомого я не запомнил. Он рассказывал о своих прошлых проектах в продажах и рекламе, однако утаивал деятельность в настоящем. Истории он разбавлял познаниями в психологии. Он говорил с такой манерой, будто его суждения – высшая истина, поэтому я не придавал значения его словам. Нельзя же быть настолько уверенным в своей правоте!

Из номера вышли те два корейца в куртках. Тот, что без очков, спросил меня:

– Do you want to walk around and drink some beer?⁸

В общем, я был не против поболтать на английском с иностранцами, но уже я собрался спать. Еще и пиво... да, я –

ханжа, поэтому сказал:

– No, I don't like to drink a beer.⁹

Кореец грустно улыбнулся. Они ушли.

– Странно, что они не сказали: «Are you really Russian?»¹⁰–
сказал знакомый Дениса.

Да, действительно...

Время близилось к двенадцати, надо идти спать. Завтра долгий день, завершение моей авантюры. Чищу зубы и собираюсь. Ставлю будильник на семь утра. Электричка в 08:40, так что успею и позавтракать, и не спеша дойти. Рейс в 11:31, в аэропорту я буду в десять.

9

Нет, я не люблю пиво.

10

А вы точно русский?

День 13

Какое блаженство спать на удобном мягком матрасе в теплой комнате. Чтобы ощутить удобство такого сна, потребовалось меньше двух недель. Как же быстро отвыкаешь от комфорта, и как приятно к нему возвращаться.

Остатки овсяной каши я съел вчера, поэтому завариваю гречневые хлопья и добавляю мед. Выхожу на балкон, туман только-только рассеивается, оголяя тупоугольные темные крыши разбросанных жилых домов. При вдохе в нос попадает влага, словно дышишь над паровым ингалятором.

В хостел зашел владелец с дочкой. Он сам здесь живет, видимо. Ему лет тридцать пять. Он был в очках с кудрявой головой и весь блистал жизнерадостностью. Он обменялся со мной парой слов.

– Будешь освещать свое путешествие? – говорит он, – в обществуности или в сети?

Я покачал головой и сказал:

– Если кто заинтересуется, тому и расскажу. А так нет.

– О, какой злодей! – сказал он с дружелюбной улыбкой.

Уже по знакомой дороге я двинулся в сторону вокзала.

Купил билет, спросил, как выйти на платформу. Здесь отдельные пути под экспресс, и отдельное здание для посадки. Ждать еще полчаса, смотрю на автомат с кофе.

Читал Чехова и прихлебывал отвратный кофе. Наконец время подошло, и я в компании тридцати азиатов спустился к платформе. Перед тем как пройти через турникеты, мы пропускали целое наводнение с пришедшего экспресса других азиатов. Такой приток окончательно вытеснит европейцев.

Вагон заполнен на десятую часть. Проехали через туннель – панорама озарилась окраиной города, на каналах которой рыбачили местные жители, а в парках совершали утреннюю пробежку. Владивосток – чарующий город, жители которого пропитаны духом здоровья и любовью к искусству. Конечно, это лишь первое впечатление, которое может быть обманчиво.

Словно линией очерчена граница города, за пределами которой открылся дикий берег Амурского залива, усыпанный крупными валунами. Я все смотрел в окно и любовался. Время пролетело незаметно. Домчались напрямик в аэропорт.

До регистрации еще полтора часа, надо перекусить. Вижу табличку: «Столовая» – иду по указателям. Зал просторный и пустой, сидел только один столик. Я взял поднос и направился по линии раздачи. Женщина за прилавком спрашивает, что я буду.

– Есть что-нибудь без мяса и рыбы? – говорю я.

Она сочувственно взглянула на меня и помотала головой. Она предложила тушеную капусту, но когда накладыва-

ла, обнаружила там колбасу. В общем, я взял заветренный овощной салат, компот и хлеб. Пока ел, засматривался на девушку за другим столиком в джинсах на лямках. Она пила кока-колу. Симпатичная.

Вернулся и без очереди прошел регистрацию. Эта суета и нервозность толпы перед посадкой передалась и мне. Успокоился я только тогда, когда уселся в самолете. Место дали посерединке, справа сидела девушка с раскосыми глазами, а слева тучный иностранец, который весь полет был недовольный. Когда мы приземлились, он первый выскочил к выходу, словно удирал с тонущего корабля.

В спинку кресла перед лицом вмонтирован экран. Он включился, начался показ техники безопасности и правил пользования спасательного жилета.

– Мне больше нравилось, когда стюардессы на себе показывали, как пользоваться жилетом, – говорю я девушке справа.

Она улыбнулась.

– Да, как-то более живее казалось, – говорит она, – а видеоролик слишком технический.

Точно подметила.

По салону разносился грубоватый бас пилота. Он обозначил наш путь, температуру воздуха и представил самолет, именуемый в честь русского классика, Пастернака.

Мы разговорились со Светой, девушкой справа. Она уроженка Приморского края, прилетала к родственникам. А

сейчас живет в Туле с супругом. Работает сотрудницей ушлого, как она выразилась, банка. Она отработала там значительный срок и когда попросила повышения, ей ответили, что она на своем месте хорошо работает и если уйдет, неизвестно, какой человек придет взамен. Так что ее оставили на прежнем месте. Меня возмутило такое отношение, ведь предприятие обязано стремиться к профессиональному росту сотрудников. Хотя может, я просто социалист.

Проходят стюардессы и раздают напитки. Тут я понял, что сглупил: ничего не взял с собой из еды. Даже воды нет. Придется голодать. Света взяла апельсиновый сок, а я воду.

Мы поболтали еще, и настало время обеда. Подошла стюардесса и спросила Свету: «Курицу или говядину?» – Света взяла говядину. Стюардесса спросила меня тоже.

– Я не ем мясо, так что отдайте мою порцию девушке, – сказал я.

Я заранее предложил Свете покушать за меня. Она была не против.

– Вы вегетарианец? – спросила стюардесса.

Я рассеянно улыбнулся и подтвердил.

– Попробую что-нибудь для вас найти, – сказала она.

Я начал отговаривать, что там, пустое. Она все же ушла и через минуты две вернулась с коробкой лазаньи с овощами в соусе. Я от всего сердца поблагодарил за чуткость и заботу. Я наелся до отвала, впрочем, Света тоже довольна.

После обеда мы решили посмотреть фильм. Света выбра-

ла мистику, а я не определился. Слишком большой выбор. Около получаса я листал библиотеку фильмов и ни на что не решился. Может, какой-нибудь документальный фильм? Проведу время с пользой. Но там все о войне. О, вот тренинг по тайм-менеджменту. Попробую. Было интересно, но через десять минут я все же заснул.

Очнулся от дремоты, Света досматривала фильм. Решил почитать Чехова.

По рядам начали проходить стюардессы с груженными тележками. Когда очередь дошла до меня, та же стюардесса с незаурядным именем на бейдже взглянула на меня темными равнодушными глазами и сказала:

– Я сейчас что-нибудь найду, – и скрылась.

Она вернулась с нарезкой свежих фруктов и сыров в коробке. Видно, что такое лакомство предназначено не для эконом класса. Как же я благодарен этой девушке. Позже я хотел оставить лестный отзыв на сайте Аэрофлота, чтобы хоть как-то отблагодарить, но оказалось, что компания принимает лишь жалобы.

Остаток полета я болтал со Светой обо всем на свете. У нас была та откровенная беседа, которую ведут только с одноклассником-незнакомцем. Наверняка это наша первая и последняя встреча.

Самое любимое в полете – мгновение удачного приземления и взрывные аплодисменты, грохот которых рассекает пространство от хвоста до кабины и заражает радостью.

Такой заряд подготавливает перед томительным, тесным и нервным выходом из самолета.

Прилетел я в Шереметьево, а следующий рейс из Внуково. Грубо говоря, предстоит прогулка по Москве.

Один из последних я выловил багаж и направился на остановку. Нужно добраться до метро, проехать три станции, перейти на другую ветку и там еще станция, откуда ходят автобусы до аэропорта. Я мог бы сесть на очередной экспресс, который домчит напрямик до Внуково за 700 рублей, либо сэкономить и двигаться с пересадками на двух автобусах и метро. Решил сэкономить.

На улице яркий свет солнца обжигал глаза. И хотя перелет занял девять часов, а вылетел я в 11:31, сейчас на часах 13:53. Все дело в часовых поясах: во Владивостоке +8 по Москве. Часы на руке всегда показывали время родных краев, а телефон перестраивался согласно местному региону.

Через полчаса подошел автобус. Передо мной вошла хрупкая девушка с огромным чемоданищем. Он раза в три больше нее. Девушка стоически волокла его за собой. Внутри автобуса я никак не ожидал увидеть турникет. Похоже, билет надо покупать заранее. Но нет, водитель продает разовые карточки. Я протиснулся в сторонку и примостил рюкзак под ноги. Всматриваюсь в городской пейзаж, который преимущественно занимает автомобильными пробками. Благо до рейса еще шесть часов.

С каждой остановкой салон автобуса набивался людом. И

вроде уже заходить некуда, но с очередной остановкой люди проталкивались глубже, утрамбовывая тела, словно закатывая кильку в консервную банку. Водитель горячился и орал на стоявших людей перед турникетом, призывая проходить дальше.

Наконец объявили нужную остановку, на которой сошла большая часть людей. На выходе я помог вытащить тот неуклюжий чемодан у худенькой девушки. Она пошла в сторону входа в метро. Может, она тоже во Внуково?

– А вы случайно не в аэропорт Внуково? – сказал я.

– Нет, мне на площадь трех вокзалов.

Ненадолго составит компанию. Но все-таки ей не помешает помощь в передвижении. Когда я перехватил ее чемодан, она с облегчением выдохнула и широко улыбнулась.

Пока спускались в метро, я рассказал, какой путь проделал. Ее это не очень впечатлило. Я перевел русло разговора подальше от себя и поближе к ней. Родом она из Вологды, туда сейчас и едет к родителям. А так живет в Челябинске.

– А чего переехала? – спросил я.

– Замуж вышла, – иронично протянула она. – Я с супругом познакомилась в Америке.

– Ого, он американец?

– Нет, он тоже вологодский. Мы оба были там по программе «Work and travel». Знаешь такую? Вот и познакомились.

– А чем сейчас занимаешься?

Она что-то замямила и отвела глаза в сторону. Не хочет

рассказывать.

– Ну вообще... – сказала она, – последние два года работаю в Китае учителем русского языка как иностранного.

Мы зашли в вагон.

– А тебе сколько лет? – сказала она.

– Мне 24 исполнилось в этом году.

– А мне 28.

Я попрощался и пожелал удачной дороги. Она поехала дальше по ветке.

Нужная остановка была прямо у выхода метро. Через минут десять подполз автобус. В салоне душно, в воздухе гулял запах пота. Ехали медленно, продвигались рывками. Как хорошо, что я здесь проездом. Сумасшедший город. Конечно, громко сказано, тем более я пробыл здесь полдня и то в автобусе да в метро. Просто устал.

Миновали центральные ветви дорог, пробились в объятия провинции. Удалились от пробок и людской суеты. Скорость выросла, воздух посвежел, а солнце начало клониться к закату.

Передо мной стоял мужчина в белой растянутой футболке с надписью: «Pride to be green» и читал автобиографию Ошо. Он отвлекся и спросил:

– А когда будет Внуково?

– Остановку объявят, не переживайте, – сказал я.

Ответ убедил его, и он углубился в чтение, но сам я почему-то засомневался. А вдруг проеду? Я повернулся к рядом

стоящей женщине и спросил:

– А когда мы доедем до Аэропорта?

– Да вы не пропустите, – говорит она, – мы будем проезжать большой торговый цент, там и аэропорт.

Скоро я уже бродил по холлу аэропорта в поисках нужного терминала. От непрерывной дороги я весьма утомился. Мысли путались, каша в голове. На стойке регистрации девушка подозрительно оглядела мой ранец.

– У вас тут много подвязок, – сказала она, – отправим как негабаритный.

Я не стал спорить. Лишь бы денег не взяли.

Я миновал дьюти-фри и уселся в кресло перед панорамным окном с видом на взлетные полосы. Попробовал почитать, но я все отвлекался. Слишком рассеянный. Сказывается резкая перемена часового пояса. Во время пути я перестраивался на час за день, а сейчас одним махом перескочил треть суток. Во Владивостоке уже ночь. Я давно бы спал, если ориентироваться по внутренним часам, перестроенным на дальневосточный лад.

Эти два часа перед посадкой тянулись мучительно долго. Я думал перекусить чего-нибудь, чтобы хоть как-то скоротать время. Я обошел несколько кафе и убедился, что для меня там нет ничего съестного. Только салат, который стоит пятьсот рублей. Душила жаба. Поэтому я выпил горький кофе из автомата и купил пол-литровую бутылку воды за 100(!) рублей. Когда я пил, то мысленно порицал людей, которые

наживаются за счет накрученных цен в аэропортах. Какой же я все-таки ханжа.

Время шло, толпа увеличивалась. Люди рассаживались по рядам, словно в кинозале перед сеансом. Мимо шла юная девушка с отцом. Внезапно она подскочила и радостно вскрикнула. Она подбежала к молодому парню, который сидел напротив меня и пялился в ноутбук, и попросила с ним сфоткаться. Парень не возражал. Когда она довольная вернулась к отцу, они пошли дальше.

– А кто это? – спросил отец.

Девушка подняла голову и ответила:

– Это блогер.

Наконец я попал на борт самолета. Я поздоровался с соседями и уткнулся в окно. Вглядывался в густую ночную темноту в ожидании взлета. Когда шасси оторвались от взлетной полосы – засверкали миллионы желтых огней Москвы как на ладони. Захватывающая картина. Только это я и увидел сквозь иллюминатор, через мгновение задремал и проснулся уже при посадке.

«Время посадки 23:30. Температура воздуха за бортом 16 градусов тепла...» – скороговоркой вещал пилот уставшим голосом.

Следуя указателям, я в полуобморочном состоянии доковылял до пункта выдачи багажа. Как помнится, рюкзак попал в отдел негабаритного. Никакой стойки нет, лишь стена с надписью: «Негабаритный багаж». Сказали ждать багаж там.

Как-то это странно...

Просидел минут двадцать перед пустотой. Из служебного помещения вышел плотный мужчина в затертой робе с пластиковой переноской для животных. Он шел широким шагом к той стене, поставил переноску на пол и ушел. Из нее временами доносилось протяжное и жалобное мяуканье. К переноске подошла девушка и забрала питомца.

Верно, и мой ранец сейчас принесут. Прошло еще минут пятнадцать. Сомнения начали одолевать. Я предполагал, что мой багаж скинули в общую топку, хотя он мог и вовсе утратиться.

Я встал, прошел через ряды сидений и увидел, как мой рюкзак одиноко кружится на багажном конвейере.

Завалился в такси. Оно меня плавно повезло и укачало, словно младенца в люльке. Водитель донимал вопросами, откуда я прилетел и что там делал, но я так вяло отвечал, что через минуту беседа заглохла. С полузакрытыми глазами я смотрел, как вдоль дороги мелькают желтые огни фонарей города Пушкин.

Свернули в мой поселок, где по дороге разлитые серые лужи, а все пространство обволок туман.

Стараясь не шуметь, я скинул рюкзак в прихожей и на цыпочках пошел к себе. Я плюхнулся на кровать, закутался в одеяло и мгновенно уснул.

Послесловие

Через месяц я устроился подсобным рабочим на картонное предприятие. Каждый день после изнурительных смен я садился за компьютер и припоминал путешествие. На удивление стоило только задуматься о конкретном дне, так все краски окружения оживали в голове. Я помнил местность, разговоры и ощущения.

Я оглядывался и задавал вопрос: что я узнал нового о себе? Ничего. Что я узнал нового о людях? Ничего. Но что изменилось во мне? Все!

«Это не может быть конец, это лишь завершение этапа моего пути!» – так я думал. Теперь я планировал странствовать на попутках за границей. И ни где-нибудь, а в Иране! Меня манили персидские просторы. Увы, житейская трясина затянула по горло, и я задохнулся в петле рабочей рутины. И сейчас я ощущаю нечто, что было перед рывком в это импровизированное путешествие. Эта грань безысходности и закипания к действию. Рывок через тесные сети однообразия.